

Элизабет Вернер

Проклят и прощен

Элизабет Вернер
Проклят и прощен

«Public Domain»

1884

Вернер Э.

Проклят и прощен / Э. Вернер — «Public Domain», 1884

«Пароход был готов к отплытию. Через час он должен покинуть гавань, чтобы направиться к соседнему немецкому берегу, до которого при благоприятных обстоятельствах можно добраться к рассвету...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эльза Вернер

Проклят и прощен

Глава 1

Пароход был готов к отплытию. Через час он должен покинуть гавань, чтобы направиться к соседнему немецкому берегу, до которого при благоприятных обстоятельствах можно добраться к рассвету.

Море, залитое мягким светом луны, тихое и безмятежное, составляло резкий контраст с гаванью, где царили шум и оживление. По ярко освещенной площади сновала густая толпа. Жизнь бурлила в южном городе в этот душный осенний вечер, нисколько не уступавший жарким летним вечерам севера. Точно в калейдоскопе, проходили по улицам пестрые толпы народа и исчезали куда-то, будто уносимые звуками музыки, а над всей этой толчеей спокойно возвышались силуэты церквей и дворцов, четко вырисовываясь под лучами луны на фоне усыпанного звездами неба.

Было уже поздно, когда группа молодых людей отделилась от толпы и направилась к берегу. По-видимому, они принадлежали к разным национальностям, так как в большом и оживленном разговоре их звучала то немецкая, то итальянская речь. Одно можно было сказать определенно, – что настроение общества было самое веселое. Шутки и остроты сыпались без конца, и каждое замечание, каждая фраза сопровождалась громким смехом. У берега молодых людей ожидала гондола, нагруженная дорожными вещами. Вдали виднелся темный контур парохода, а с площади все глуше доносились городской шум и звуки музыки.

– Итак, надо проститься со здешними красотами, – воскликнул один из молодых людей и грустно посмотрел в сторону площади. – Как подумаю, что я должен променять эти солнечные дни и лунные ночи на холодные осенние туманы и на зимние вьюги наших немецких гор, так начинаю проклинать каприз моего дядюшки, призывающего меня к себе.

Тут он остановился, и свет газового фонаря осветил его фигуру, стройную и изящную, несмотря на простой темный дорожный костюм. Светлые волосы и голубые глаза изобличали северянина, хотя на лице и руках юноши заметен был здоровый загар; лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не недостаток выразительности. Тем не менее тонкие и благородные черты этого молодого лица дышали жизнью и весельем и были также привлекательны, как и вся фигура молодого человека.

– Зачем именно ты едешь? – спросил один из его спутников, типичный итальянец, со смуглым цветом лица и темными блестящими глазами. – Я бы на твоём месте не обратил никакого внимания на причуды старого человеконенавистника, живущего где-то в скалах во вражде с самим собой и целым светом. В самых вежливых выражениях я заявил бы ему, что общество сов и летучих мышей мне не нравится и что я хочу остаться здесь. Еще третьего дня, когда пришел столь категорический приказ немедленно явиться, я советовал тебе, Поль, поступить по-моему, но ты не захотел меня слушать.

– Мой милый Бернардо, – смеясь ответил Пауль Верденфельс, названный на итальянский лад, – этот мудрый совет доказывает мне только одно – ты не знаешь, что значит иметь родственника, от которого зависит и настоящее положение, и вся твоя будущность... в противном случае ты рассуждал бы иначе.

– Я бы не прочь иметь такого родственника! – воскликнул Бернардо. – Особенно такого, как твой старый дядя, от которого можно получить миллион в наследство, хотя он был дружен со всеми совами вашей суровой Германии. Но, к сожалению, между моими родственниками нет ни одного подобного экземпляра. Ты и тут счастлив, как во всем.

– Что это в самом деле за родственник, господин фон Верденфельс? – вмешался третий спутник. – Перед тем как покинуть Германию, я случайно проезжал мимо его поместьев, где о нем ходят самые невероятные слухи: владетель Фельзенека служит сказкой для всей округи. Полагаю, однако, что он не так нелюбезен и недоступен, как говорит.

– Об этом я ничего не могу сказать определенного, милый Остен, потому что знаю столько же, сколько и другие. Он двоюродный брат моего покойного отца, но виделись они редко. А я говорил и виделся с ним всего только один раз и то давно, когда после смерти моего отца был отдан под его опеку. С тех пор наши отношения ограничивались перепиской, причем я аккуратно сообщал ему, как живу и что делаю, а он отвечал мне короткими и редкими записками. Я никак не думал, что нам придется когда-нибудь встретиться, да и теперь не понимаю, зачем он зовет меня к себе.

– Вероятно, хочет написать свое духовное завещание! – заметил молодой офицер из той же компании. – Это был бы, по крайней мере, разумный поступок, ведь скоро ты сделаешься его наследником. А мы охотно поможем тебе спустить его миллион; только смотри, не забудь, когда сделаешься владельцем дядюшкиных поместьев, пригласить нас к себе охотиться на серн. Итак, до свидания, Поль, до будущего лета!

Офицер протянул ему руку, но тот досадливым движением отстранил ее.

– Не шути так! Мой дядя вовсе не так стар, как вы думаете, и, несмотря на все свои чудачества, он был всегда добр ко мне, ласков и щедр, исполняя малейший мой каприз.

– А капризов у тебя действительно было много, – заметил Бернардо. – Твое пребывание в Италии обошлось тебе в кругленькую сумму.

Пауль насмешливо посмотрел на него.

– Тебе это лучше известно, так как ты старательно помогал мне. Половина моих расходов приходится на тебя, Бернардо.

– Да, я прилагал все усилия, – ответил итальянец. – Ты вообще не умеешь тратить деньги и научился этому только под моим руководством. Дядюшка, кажется, не на шутку встревожился и решил оградить тебя на будущее время от подобных друзей.

– По каким бы причинам он ни вызывал меня, я обязан повиноваться, хоть, признаюсь, делаю это с грустью в сердце.

– Не о прекрасной ли Венеции вы так вздыхаете, – поддразнил его Остен, – или, быть может, по вашей очаровательной соотечественнице, проживающей теперь у нас? Не отрицайте, Верденфельс! Вы единственный, кому посчастливилось поближе познакомиться с ней.

– Да, Полю фантастически везет всюду! – отозвался Бернардо. – Чего бы я не отдал, чтобы только передать на полотне ее чудные золотистые волосы и глаза! Когда я смотрю на нее, мне всегда кажется, что это вышедший из рамы портрет, написанный одним из наших старых мастеров. Но не было никакой возможности сломить упрямую застенчивость, в которую драпировалась наша гордая красавица. О, почему не я нашел потерянный бумажник, видимо имеющий для нее столь большую ценность! И нужно же было непременно Полю найти его! Он, конечно, пользуется случаем, лично относит свою находку хозяйке, сидит там целый час и уходит, безумно влюбленный в свою прекрасную соотечественницу. Последнее я нахожу вполне естественным, так как мне для этого понадобилось только пять минут.

– Правда, он вернулся оттуда в сильно возбужденном состоянии, – вставил молодой офицер. – И с тех пор постоянно витает в облаках и даже потерял вкус к вину. Я убежден, что он уже не раз пел серенады при луне и оказывал своей даме всевозможные любезности, но только, к сожалению, потихоньку от нас.

– Смейтесь! – не то весело, не то сердито отвечал Верденфельс на шутки своих товарищей. – Воображаю, как всем вам хочется быть на моем месте! Но не могу согласиться с мнением Бернардо, что мне всегда везет. Неужели вы назовете счастьем то, что я должен расстаться с этими глазами? Зайдя сегодня в гостиницу, чтобы проститься с ней, я не смог увидеть ее.

Может быть, она отказалась принять меня? Я узнал только, что она вдова и носит еще траур по мужу. Все остальное, касающееся ее личности – для меня тайна... а я должен уехать.

Последние слова были произнесены с комическим отчаянием, которое только удвоило шутки и насмешки товарищей. Между тем из темноты, окружавшей гондолу, выделилась небольшая фигурка старого слуги с седыми волосами, одетого в простую темную ливрею.

– Уже пора, господин Пауль, – проговорил он наставительным тоном. – Пароход отойдет через полчаса.

– Мы прощаемся, – заметил Бернардо. – Не мешайте нам, Арнольд! Мы знаем, что вы благодарите Бога и всех святых, что можете извлечь вашего юного господина из нашего вредного общества и в целостности и сохранности увезти его в Германию.

Все это он сказал по-немецки, чтобы старый слуга понял его, но тот не обратил внимания на шутку и ответил сухо и тоже по-немецки:

– Да, нужно же когда-нибудь вернуться в более благоразумное общество.

Молодым людям, казалось, очень понравилось это замечание, потому что они разразились дружным хохотом, от которого не отставал и Пауль Верденфельс.

– Благодарите же за комплимент! – воскликнул он. – Он ведь вовсе не шутит. Однако ты позволяешь себе лишнее, Арнольд!

– Я только исполняю свой долг, – послышалось в ответ. – Когда покойная баронесса лежала на смертном одре, она торжественно передала мне барона Пауля. «Арнольд», – сказала она, обращаясь ко мне...

– Ради Бога, перестаньте! – перебил его Остен; – Вы по крайней мере раз двадцать рассказывали нам эту историю. Мы давно знаем, что вы заменяете и отца и мать господину Верденфельсу и что он чувствует к вам такое же уважение, как и все мы.

– И прежде всего я, – вскричал Бернардо, – так как мне приходилось чаще всего быть предметом его проповедей, которые до глубины души трогали меня!

Старый слуга обвел всех собравшихся недружелюбным взглядом и остановился наконец на веселом художнике.

– Синьор Бернардо, – произнес он торжественно, – товарищи моего юного господина нехороши, но вы хуже всех!

Это заявление вызвало новый взрыв хохота, однако он тотчас же смолк, и молодые люди расступились, чтобы дать место двум дамам, тоже направлявшимся к берегу. Дама, шедшая впереди, была в глубоком трауре; несмотря на то, что она опустила вуаль, роскошные волосы ее выбились из-под шляпы, а когда на них упал свет газового фонаря, они блеснули темным закатным золотом. Рядом с ней шла пожилая дама, одетая много проще, видимо, ее служанка, а сзади слуга из отеля нес дорожные вещи. Поль Верденфельс низко и почтительно поклонился даме, то же самое сделали и остальные его товарищи. Дама ответила на поклон легким наклоном головы и села со своей спутницей в тут же стоявшую гондолу, которая сразу отчалила.

– И теперь станешь отрицать, что ты счастливцев? – говорил Бернардо. – Она тоже спешит к тому пароходу, который повезет тебя в твою Германию!

Глаза Пауля, не отрываясь, следили за маленькой гондолой, которая вышла из прибрежной темноты на освещенную луной середину канала и действительно плыла к паровой пристани.

– Да, сомнения нет, она направляется к пароходу! – воскликнул он, и глаза его радостно блеснули. – Я и не подозревал этого, потому что она ни словом не намекнула о своем отъезде. Но Арнольд прав. Уже и мне пора ехать!.. Итак, прощайте, друзья!

Несмотря на явное желание как можно скорее проститься с ними, это ему не удалось. Друзья вдруг почувствовали трогательную нежность к отъезжающему товарищу и хотели удержать его при себе до последней минуты.

– Зачем так спешить? – воскликнул Бернардо. – До отхода парохода еще полчаса, и мы смело можем проболтать еще минут пятнадцать, а затем я провожу тебя до пристани.

– И я тоже, – отозвался Остен. – Было бы не по-товарищески, если бы мы все не проводили вас на пароход.

– Да, да, мы все проводим вас, – решил офицер, и все товарищи шумно присоединились к нему, но Пауль, казалось, вовсе не был доволен этим решением. Сначала он отказался, смеясь, потом стал серьезно возражать против намерения своих друзей. Молодые люди обиделись, но Бернардо скоро примирил их.

– Пускай его едет один! – сказал он. – Вы же видите, с каким нетерпением он стремится увидеться с дамой, а на нас и внимания не обращает. Мы только будем стеснять его при свидании с его прелестной соотечественницей; я думаю, никто из вас не поверит, что эта совместная поездка – случайность.

Пауль сердито нахмурил брови, и голос его звучал резко, когда он возразил:

– Не понимаю, как ты можешь сомневаться в моих словах. Тут и речи нет ни о каком условленном свидании, и я прошу тебя избавить меня и госпожу фон Гертенштейн от твоих насмешек.

– В таком случае примите уверение в моем уважении к вам обоим, – продолжал подтрунивать неисправимый Бернардо. – Ты хочешь убедить нас, что любишь ее только издали. Во всяком случае роману при луне, который ожидает тебя на море, можно позавидовать, и я от души желаю тебе счастья!

Молодой человек с досадой отвернулся от него и стал прощаться с остальными товарищами. Он торопливо пожимал им руки, а они что-то насмешливо шептали ему на ухо и отпустили только тогда, когда на пристани раздался первый звонок. Со вздохом облегчения юноша вскочил в гондолу, откуда послал друзьям последний привет.

О, как легко и привольно почувствовал он себя, когда узкая гондола вышла на середину канала и ее облил мягкий свет луны. Паулю вовсе не хотелось показаться на пароходе в такой веселой компании, в которой, впрочем, ему до сих пор было так хорошо. Сегодня же она в первый раз показалась ему обременительной. Он знал, какой магнит притягивал его друзей на пристань и смотрел на их навязчивость, как на бестактность, от которой и старался всеми силами отделаться.

Несколько минут спустя гондола подплыла к самому трапу и молодой человек легко и проворно взбежал на пароход, между тем как старый слуга медленно последовал за ним. Большинство пассажиров находились уже на палубе, так как никому не хотелось в такую чудную лунную ночь оставаться в душных каютах. Пауль обошел оживленно болтавшие группы и одиноко стоявшие там и сям фигуры, сошел даже в общий зал, но напрасно: той, кого он искал, нигде не было видно. Госпожа фон Гертенштейн, вероятно, ушла к себе в каюту и выйдет только к утру, когда пароход придет на место.

Недовольный и расстроенный, Пауль снова поднялся на палубу и сел на стул подальше от шумного общества. В эту минуту раздался свисток к отплытию, машина заработала, и пароход медленно поплыл вдоль берега, на котором раскинулся город. Вот уже показалась ярко освещенная площадь с оживленно двигающейся по ней толпой, еще раз приветливо улыбнулись отъезжавшим башни и дворцы, облитые серебристыми лучами полной луны. На одну минуту вся панорама города ясно предстала глазам путников, но потом стала скрываться, все быстрее по мере того как пароход ускорял свой ход.

На палубе все понемногу затихало, и пассажиры один за другим расходились на ночь по своим каютам. Верденфельс тоже было поднялся с места, как вдруг остановился, точно прикованный, возле лестницы, ведущей в каюты: недалеко от него, на противоположной стороне палубы, одиноко стояла дама, которую он тотчас же узнал, несмотря на то, что она стояла спиной к нему. Вероятно, в минуту отплытия парохода она, никем не замеченная, заняла этот

уютный уголок. Молодой человек хотел было направиться к ней, но вдруг остановился. Если робость не принадлежала прежде к числу его добродетелей, то теперь он испытывал даже некоторый страх. Что-то строгое, недоступное было в этой высокой, закутанной в черное фигуру женщины, которая одиноко стояла, облокотившись о борт, и смотрела на море. Однако шум шагов привлек ее внимание, она обернулась и свет луны осветил ее лицо.

Лицо ее под черным кружевом, наброшенным на голову, было необыкновенно красиво, хотя и несколько слишком серьезно, что при такой молодости могло показаться немного странным. Быть может, эта серьезность была следствием той тяжелой потери, о которой говорило траурное платье дамы, или, может быть, такое выражение было вообще присуще ее чертам, которые при строгой правильности линий нельзя было назвать мягкими. На высоком лбу и вокруг розовых губ замечались черточки, свидетельствующие о необыкновенной энергии и силе воли, и как ни красивы были темные глаза с длинными ресницами, они смотрели холодно и серьезно, словно чувство было им недоступно. Черное кружево покрывало голову и плечи дамы, но Пауль ясно видел под его складками блестящие золотистые локоны, которыми уже имел счастье любоваться при дневном свете. Увидев молодого человека, дама как будто удивилась.

– Как, вы здесь, господин фон Верденфельс? – спросила она. – Вы тоже возвращаетесь в Германию?

Пауль поклонился.

– Я и не предполагал, что судьба пошлет мне счастье сопутствовать вам. Мне не удалось проститься с вами. Когда я приходил, вас не было дома, как мне сказали.

В последних его словах слышалось проявление обиженного самолюбия, но госпожа Гертенштейн не обратила на это никакого внимания и спокойно продолжала:

– Я получила вашу карточку, но думала, что вы уезжаете в Рим. Ведь, кажется, там вы намеревались провести зиму?

– Да, сначала я рассчитывал поехать в Рим, но несколько дней тому назад получил из дому известия, требующие моего возвращения на родину.

Говоря это, Пауль подошел ближе и остановился прямо перед молодой женщиной. Кроме них на палубе никого не было. Пароход шел спокойно и величественно по водной глади, в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, а сверху красавица луна кокетливо заглядывала в неподвижную поверхность моря. Ее серебристые лучи заливали все каким-то таинственным светом, а легкие волны, выходявшие из-под колес машины, сверкали в этих волшебных лучах мириадами разноцветных огней. Прозрачный туман окутывал синеватую даль, только на темном горизонте все еще отчетливо вырисовывался город, как блестящий мираж, который, казалось, скользя по волнам, удалялся все дальше и дальше. Мало-помалу картина эта начала ступшеываться, очерки ее становились все неяснее и туманнее, а тысячи огней слились в один круг, с каждым мгновением суживающийся.

– Какая волшебная картина! – вполголоса проговорил Пауль. – И точно в сказке исчезает она из наших глаз.

– Действительно, волшебное зрелище, – подтвердила госпожа Гертенштейн. – Ничего подобного не увидишь в наших германских краях.

– Значит, вы живете в Германии? – спросил молодой человек, очень довольный возможностью завязать разговор. – Еще при первой встрече я подумал, что вижу в вас свою соотечественницу, но ваша прекрасная итальянская речь заставила меня предположить, что вы постоянно живете в Италии.

Тут он остановился, как бы ожидая ответа, но, не дождавшись его, продолжал:

– Море так спокойно, что мы, вероятно, с восходом солнца достигнем берегов Германии и вовремя успеем на курьерский поезд в В. Ведь и вы едете в В.?

Пауль предполагал, что употребил очень искусный маневр, но ему и на этот раз не удалось узнать, куда именно направляется госпожа Гертенштейн, потому что вместо ответа она сама задала вопрос:

– Так вы едете в В., господин Верденфельс?

– Только на несколько дней, а оттуда вернусь на родину.

Госпожа Гертенштейн как будто еще о чем-то хотела спросить своего спутника, но удержалась. Ее приоткрывшиеся губы вдруг сжались и приняли жесткое выражение, между тем как взгляд пристально и серьезно устремился на молодого человека. Впрочем, это продолжалось только одно мгновение, затем она отвернулась и стала смотреть на море. От Пауля не ускользнул этот взгляд, и мимолетное внимание хорошенькой женщины польстило его самолюбию.

– Скоро эти блестящие берега Италии скроются из наших глаз, – снова начал он. – Особенно из моих, потому что мой путь лежит прямо в горы...

Молодая женщина быстро обернулась к нему.

– В горы? Теперь, поздней осенью?

– Да, – ответил Пауль, несколько озадаченный живостью вопроса. – Быть может, мне придется провести там большую часть зимы. Неправда ли, кажется ужасным похоронить себя в Альпах, среди снега и льда, в это время года? Только такие странные натуры, как мой дядя, могут обитать там с удовольствием.

Госпожа Гертенштейн снова облокотилась о борт парохода и стала внимательно следить за сверкающими брызгами, летящими из-под его колес.

– Значит, у вас есть родственники в горах? – спросила она. – И одной с вами фамилии?

– Да, там живет мой дядя Раймонд фон Верденфельс, под опекой которого я теперь нахожусь. В настоящее время он единственный представитель старшей линии нашего дома и владелец значительных поместий. Но он давно отказался от всякого общения с людьми, и его нельзя даже уговорить поселиться в его родном замке, великолепном Верденфельсе. Он живет круглый год в горах, в своем излюбленном Фельзенке, и туда-то я теперь еду к нему.

Молодая женщина продолжала смотреть на блестящую игру волн, и только после довольно продолжительного молчания спросила:

– А вы знаете этот Фельзенек?

– Нет, я никогда там не был, но, судя по описанию, это должно быть мрачное и скучное гнездо в скалах, отрезанное от всего Божьего мира, одним словом, это, по-моему, замок, в котором обитают лишь духи и привидения. Я же, к сожалению, не люблю подобного романтического уединения и охотно променял бы его на любой салон нашей столицы, раз уж мне пришлось покинуть Италию.

– Конечно, жизнь в горах после Италии не может понравиться вам, тем более, что вы так неохотно едете в Германию.

– Ах, нет, теперь я еду очень охотно! – воскликнул Пауль с живостью.

Нетрудно было отгадать значение слова «теперь», когда взгляд и тон молодого человека говорили так ясно, но госпожа Гертенштейн не поняла или не хотела понять его смысла, потому что ответила с холодным спокойствием:

– Это очень понятно. Когда возвращаешься на родину, всегда испытываешь желание поскорее увидеть ее.

Молодой человек вовсе не думал этого, но возражать, естественно, не решался. Compliment, сказанный по адресу его любви к родине, даже несколько рассердил его, и между собеседниками возникла довольно продолжительная пауза.

Пароход, между тем, выходил в открытое море. Действительно, было что-то волшебное в великолепной картине ночного моря. Кругом простиралась залитая лунным светом даль, которая, сверкая серебристой рябью, казалась, уходила куда-то в бесконечное пространство; над нею раскинулось небо, усеянное мириадами ясно сияющих звезд, а между ними величественно

плыла красавица луна. С нею все еще соперничала блестящая далеко-далеко на темном горизонте большая яркая звезда, но вот и она начала меркнуть и, вероятно, через несколько минут совсем погаснет...

– Это Венеция скрывается из наших глаз, – произнес Пауль, указывая на исчезающую звезду. – Кто знает, когда я еще ее увижу!

– А вы так любите ее? – спросила госпожа Гертенштейн.

– О, да, очень люблю! В Венеции я был в первый раз, как и вообще в Италии, но вместе с этим чудным городом исчезает целый год счастливой беззаботной жизни.

– А я уже бывала здесь... в последний раз несколько лет тому назад, – медленно произнесла молодая женщина. – И тогда, точно так же как теперь, она скрывалась в мягких лучах луны.

Как ни спокойно были произнесены эти слова, в них слышалась грустная нотка, да и взгляд, устремленный на исчезающую звезду, точно затуманился. Может быть, и для нее прошел безвозвратно счастливый и радостный год?..

Пауль не заметил тайной грусти молодой женщины, так как не принадлежал к числу наблюдательных людей, а его веселая натура не выдерживала долго элегического настроения. Вот и теперь он быстро обратил все в шутку.

– По крайней мере она исчезает из наших глаз, как звезда, – шутливо заметил он. – Я буду считать это счастливым предзнаменованием и надеяться, что мечты, взлелеянные мною в этом городе, когда-нибудь осуществятся. Нужно верить в свою звезду!

По всей вероятности, слова, произнесенные таким веселым тоном, не заключали в себе никакого намека, но они произвели странное впечатление на молодую женщину. Она чуть заметно вздрогнула, как будто от прикосновения легкого ветерка, и плотнее закуталась в кружевную шаль. Затем снова как-то загадочно и испытующе посмотрела на своего спутника, хотя веселые и открытые черты его лица не могли ничего скрывать, и перевела свои темные глаза на блестящий отсвет, который минуту спустя совсем исчез, как будто потонул в волнах.

– Звезды гаснут, – проговорила она как будто про себя, но с каким-то жестким выражением, – а с ними и мечты. Жизнь вообще дана нам не для мечтаний, нужно уметь спокойно и прямо смотреть ей в глаза и не доверять никому, кроме самого себя... Покойной ночи, господин фон Верденфельс!

Она повернулась, пошла к лестнице, ведущей в каюты, и исчезла. Пауль недоумевающе смотрел ей вслед. Что это значило? Относились ли последние слова к нему? Во всяком случае его безобидная шутка не могла ни вызвать, ни заслужить подобного грубого замечания. Как ни велико было его увлечение хорошенькой женщиной, в эту минуту оно значительно остыло, точно легкий иней покрыл горячие юношеские чувства.

– Загадочная женщина! – подумал он. – Уж не хочет ли она оттолкнуть меня от себя, чтобы скрыть свои следы? Нет сомнения, она нарочно замяла разговор о родине и конечной цели своего путешествия; но что значил тот странный и пристальный взгляд, как не любопытство? Ее взгляд был устремлен не на меня, а в пространство, лежащее далеко-далеко позади. Я все-таки узнаю, куда она едет!

С этими мыслями он быстро встал с места и тоже сошел в каюту. Поднявшийся ночной ветер вздымал небольшие волны, которые быстро и свободно несли пароход к немецкому берегу.

Глава 2

– Вот так дорога!.. Да ведь на ней можно шею сломать! Все выше и выше, и все по краю пропасти, да еще сквозь туман и облака! Я даже не представлял себе, что будет так скверно, и от души скажу «слава Богу», когда мы благополучно доберемся до места!

Такими словами выражал старый Арнольд все страхи и тревоги, которые ему пришлось пережить при непривычном подъеме в горы. Сидя напротив своего молодого господина (а он раз навсегда получил привилегию садиться вместе с ним в экипаж), старый слуга с ужасом смотрел в бездну направо от края дороги, между тем как слева возвышалась отвесная каменная стена. Однако проезжая часть была в прекрасном состоянии, и маленькие, но сильные горные лошадки бежали весело и уверенно. Тем не менее путешествие в этот мрачный, туманный осенний день никак нельзя было назвать приятным, и Пауль Верденфельс, сидевший в углу кареты, был, казалось, в отвратительном настроении.

– Если так будет продолжаться, то мы в конце концов наткнемся на снеговую вершину, – сердито проговорил он. – Разве не прав я был, когда противился поездке в этот проклятый Фельзенек? Он должен быть уже совсем близко от нас, а мы все еще ничего не видим – таким густым туманом окутан замок.

– И ваш дяденька сидят там наверху, в этом горном гнезде? – спросил Арнольд. – Какой странный вкус!

– Ты ведь, кажется, считал, что мне необходимо вернуться к разумным людям, – с издевкой сказал Пауль. – По-твоему, очень разумно уединиться на этой скале, имея в распоряжении чудный Верденфельс и еще три или четыре замка? Смотри, Арнольд, когда там, наверху, вокруг тебя станут носиться летучие мыши, а по ночам будут бродить старые разбойники-рыцари, как подобает настоящим привидениям, не пришлось бы тебе пожалеть о «безбожной» Италии и не пожелать возвращения к синьору Бернардо!

– Ну уж нет! – торжественно ответил Арнольд. – Этот хуже самых дурных рыцарей-разбойников. Но, как бы то ни было там наверху, все же нам надо добратся, многоуважаемый дядя так приказал, и мы не можем не повиноваться, потому что несмотря на высылаемые им средства наделали столько долгов, что у дяденьки волосы встанут на голове дыбом.

Пауль тяжело вздохнул.

– Если бы я только знал, куда делись все деньги! Я никогда не думал, что окажутся такие огромные суммы. Уж эти проклятые ростовщические проценты!

– И синьор Бернардо! – добавил Арнольд. – Он больше всех виноват. Сколько раз предупреждал и просил я его, но этот безбожник только смеялся мне в лицо, а вы всегда были его послушным учеником. Вы...

– Ради Бога, не начинай своих проповедей! – перебил его Пауль. – Ты знаешь, это делу не поможет.

– Мои слова, конечно, не помогут, но, надеюсь, его милость, ваш дяденька, тоже скажут проповедь, которой нельзя будет пренебречь. А если он спросит меня, так я расскажу всю правду про нашу итальянскую поездку и про так называемых «наших друзей». Тогда, верно, разыграется буря, но вы вполне заслужили ее, бедный мой господин, это будет только справедливо, а, может статься, окажется и полезным.

– Ты, я думаю, готов радоваться этому, – с сердцем воскликнул молодой человек. – Не вздумай еще настраивать дядю против меня! Вообще еще вопрос, увидишь ли ты его когда-нибудь. Насколько мне известно, он избегает общаться с чужими людьми.

Казалось, Арнольд не верил своим ушам. Как? Он, сорок лет прослуживший дому Верденфельсов, считающий себя членом семьи, «воспитавший» молодого барина и до известной степени заступавший место его отца, не увидит настоящего главы дома, не услышит из его

уст одобрения за свои заботы и попечения, не будет торжественно утвержден в своих привилегиях?! Это просто неслыханно, невозможно! Каким бы чудачком ни оказался барон фон Верденфельс, он не мог быть виновен в таком презрении к установившимся обычаям.

Опустив стекло и выглянув из кареты, Пауль увидел все то же, что мог наблюдать в последние два часа: скалы, темные ели и волны тумана, из которого вдруг неожиданно выглянули очертания замка и снова скрылись за поворотом дороги.

– Вот это старое свиное гнездо! – сказал молодой человек. – А я уж было думал, что мы никогда не доберемся до него. Хоть бы в нем оказалось возможно жить! Не особенно приятна перспектива поселиться в сырых стенах, поросших мхом и травой, и принимать дружеские визиты жаб и ящериц!

– Господи, неужели вы считаете это возможным? – испуганно воскликнул Арнольд. – Это было бы ужасно!

– Но зато оригинально! – хладнокровно заметил Пауль. – Дядя ведь больше всего любит оригинальность. Сам он живет как отшельник, поэтому и его почтенные гости, вероятно, осуждены вести такой же образ жизни. Я, по крайней мере, готов ко всему. Если нам придется спать на ложе из еловых шишек, а на обед довольствоваться черникой и водой из глетчера, то... Ах, так вот каков Фельзенек!

В последнем восклицании послышалось такое изумление, что Арнольд поспешно последовал примеру своего молодого господина и высунулся в другое окно. Экипаж только что миновал последний поворот горной дороги, и перед глазами путешественников открылась цель их пути, совершенно не оправдывающая их опасений. Из тумана показался величественный замок в средневековом стиле, хотя, очевидно, недавно выстроенный, с башнями и зубцами, с зеркальными окнами и высокими сводчатыми воротами. На мрачном фоне скал и елей это удивительное, но великолепное жилище производило очень сильное впечатление.

– Слава Богу, он имеет совсем человеческий вид! – проговорил Арнольд, с облегчением переводя дух.

– Какое чудное здание! – с восторгом воскликнул Пауль. – Так вот во что превратил дядя Раймонд старую, полуразрушенную развалину! Я мальчиком, был здесь с отцом и отчетливо помню дряхлые, заброшенные постройки. Но каких же колоссальных денег должно было стоить подобное здание! Оно более чем великолепно!

По-видимому, в замке уже заметили прибытие ожидаемых гостей, так как тяжелые ворота были открыты настежь. Экипаж въехал во двор, который со своими башенками, каменными галереями и лестницами производил не менее сильное и живописное впечатление. Встретили прибывших совсем «по-человечески», как заметил про себя Арнольд. У входа их ожидали двое слуг в парадных ливреях, а на лестнице – седой господин в безукоризненном черном костюме, отрекомендовавшийся домоправителем и почтительно принявший молодого родственника своего господина. Он немедленно проводил Пауля в приготовленное для него помещение, выходившее на главный фасад. Это были две большие, богато убранные комнаты, к которым примыкала маленькая комнатка для Арнольда. Здесь было решительно все необходимое для удобства живущих, но в то же время ясно чувствовалось, что до сих пор в этих комнатах никто не жил. Слуги, принесшие багаж, двигались бесшумно, а дворецкий говорил так тихо, подчеркнуто понижая голос, что Пауль с трудом понял его, когда он спросил, какие приказания угодно отдать молодому барону.

– Прежде всего я хочу видеть дядю, – ответил молодой человек. – Я сообщил ему день и час своего приезда, и он, конечно, ожидает меня. Проводите меня к нему!

– В настоящую минуту это невозможно, – последовал тихий, вежливый ответ. – Его милость еще поживает.

– Как, в полдень? – Пауль бросил взгляд на каминные часы, показывавшие двенадцатый час. – Но ведь он не болен?

– О, нет! Господин барон обыкновенно спит до полудня, так как всю ночь напролет бодрствует.

– Я не знал этого, – произнес Пауль, немного озадаченный таким открытием. – Значит, я увижу его только за обедом?

– К сожалению, его милость всегда обедает один.

– Даже и теперь, Когда сам пригласил гостя?

Дворецкий пожал – плечами.

– Мне приказано подавать кушать вам, господин барон, отдельно.

– Ах, вот как! Ну, в таком случае я по крайней мере прошу доложить барону о моем приезде... Когда он проснется.

Последние слова звучали явной насмешкой, но лицо дворецкого ни чуточки не изменило своего выражения.

– Прошу прощения, но я могу доложить об этом лишь тогда, когда его милость сам спросит меня. Никто не смеет входить к нему в комнату без зова.

– Даже вы? – спросил Пауль, глядя на убоженного сединами старика, который служил его дяде по меньшей мере столько же времени, сколько Арнольд – семье Пауля.

– Даже я: приказ относится ко всем без исключения. Могу я теперь приказать подавать завтрак?

– Прикажите! – покорно сказал Верденфельс.

Дворецкий исчез.

Как только дверь за ним захлопнулась, молодой человек бросился в кресло и разразился громким смехом.

– Однако это обещает быть очень интересным! Значит, во время завтраков и обедов я буду предоставлен исключительно своему собственному обществу; я, как скромный человек, позволю себе находить это очень скучным. Ну, Арнольд, не делай такого удивленного лица! Разве я не предупредил тебя, что мы должны ко всему приготовиться?

Арнольд все еще продолжал стоять на том же месте, держа в руках дорожную сумку. Теперь он приблизился к своему господину и проговорил, многозначительно покачивая головой:

– Значит, господин барон спит целый день напролет?

– Ну да, и на будущее время я намерен делать то же самое, – объявил Пауль. – Это, надо полагать, единственное удовольствие, которым можно наслаждаться в Фельзенеке. Здесь, кажется, можно совершенно превратиться в сурка.

– Дорогой мой господин, таким тоном нельзя говорить о главе семьи, – наставительно заметил Арнольд.

– Глава семьи действительно обладает всеми особенностями филинов! – воскликнул Пауль, не обращая внимания на это наставление. – А теперь отнеси сумку в спальню и позаботься, чтобы тебе также дали позавтракать! Черника нам, кажется, не угрожает, но завтрак все-таки будет не из веселых.

Оба предположения не замедлили оправдаться. Снова бесшумно появился дворецкий, серьезный и торжественный, в сопровождении слуги, принесшего завтрак, и так же бесшумно, медленно и торжественно прошел этот важный акт. Пауль, хотя и ел с аппетитом, отчаянно скучал и серьезно высчитывал, сколько часов и минут в той неделе, которую он ради приличия должен будет здесь провести. Шестьдесят семь минут уже прошли. Слава Богу!

Следующие часы он посвятил знакомству со своим новым местопребыванием. Он прошелся по всем комнатам замка, осмотреть которые ему любезно предложил домоправитель, но с каждой минутой ему становилось все неудобнее в этих уединенных, пустых покоях рядом с молчаливым проводником, который предупредительно отворял каждую дверь и отвечал на каждый вопрос, но не проронил ни одного лишнего слова, кроме безусловно необходимых.

Здесь были целые анфилады комнат, роскошная обстановка которых, строго выдержанная в стиле замка, носила отпечаток тонкого художественного вкуса. Казалось, эти помещения только и ожидали, чтобы в них поселились люди, но по всему чувствовалось, что в них месяцами никто не заглядывал.

В имении была превосходная конюшня с чистокровными лошадьми и полудюжиной конюхов, обязанных проезжать лошадой, которыми никто никогда не пользовался. Здесь оказалась и многочисленная дворня, никого не обслуживавшая, но состоявшая при замке и его службах. Одним словом, дом был поставлен на широкую ногу, что требовало огромных затрат, почти расточительности, и все это было к услугам одного человека, который ничем не пользовался.

Сам Раймонд фон Верденфельс никогда не появлялся в новом замке, помещаясь в уцелевшей и теперь восстановленной по его приказанию части прежней крепости. Когда он изредка ездил верхом, для него седлали его любимую лошадь, предназначенную исключительно для его личного пользования. Своих слуг он никогда не видел, так как им строго-настроено было запрещено входить в его комнаты, для них он тоже оставался невидимым. Все это понемногу узнал Пауль из ответов на предлагаемые им вопросы и вернулся в свою комнату в убеждении, что весь Фельзенек заколдован вместе со своим хозяином-невидимкой и что необходимо как можно скорее бежать из этого опасного места, чтобы не подвергнуться той же участи.

Тоскливое настроение молодого человека росло с каждой минутой. Теперь ему уже не приходило в голову принимать дядины странности с комической стороны; в его душе воцарилось какое-то тягостное чувство. Какого приема мог он ожидать со стороны бесспорного врага всех людей, отказавшегося от всякого общения с окружающими! Тщетно старался он вызвать в памяти сколько-нибудь ясное представление о человеке, которого видел только раз в жизни, десять лет тому назад, у гроба своего умершего отца, когда скорбь утраты заглушала всякие другие впечатления.

Тогда Раймонд Верденфельс приехал принять опеку над осиротелым сыном своего брата и обеспечить существование его вдове, оставшейся без всяких средств. Он щедро выполнил свое обещание, избежав при этом всяких личных отношений, он только по имени был опекуном Пауля. Воспитанием мальчика всецело руководила его мать, которой Раймонд обеспечил очень крупный ежегодный доход. После, ее смерти этот доход перешел к сыну, что не послужило на пользу юноше, привыкшему располагать значительными суммами, тогда как сам он не имел никакого состояния и полностью зависел от великодушия дяди. И он не смущаясь пользовался этим великодушием, хотя до поры до времени держался в назначенных ему границах.

Однако пребывание в Италии и окружавшая его там легкомысленная компания довели его до расточительности, в которой Пауль теперь горько раскаивался. Со страхом думал он о размерах сумм, которые необходимо было уплатить, и в такие моменты готов был осуждать Бернардо и его влияние. Несмотря на свое легкомыслие, Пауль глубоко сознавал тяжесть предстоявшего ему признания перед человеком, которому он был всем обязан. Если бы уже все это отошло в область минувшего...

Наконец около трех часов пришло известие, что хозяин дома желает видеть своего молодого родственника. На этот раз, известие принес камердинер барона, также пожилой человек, видимо, заимствовавший у дворецкого его односложную вежливость. Пригласив молодого барона следовать за ним, он пошел вперед, чтобы показывать дорогу, оказавшуюся довольно длинной. Пройдя по гулким коридорам, поднявшись и спустившись по нескольким лестницам, они вступили наконец в галерею, соединявшую новую часть замка с остатками старой крепости. Затем по узкой витой лестнице поднялись в маленькую переднюю; здесь камердинер отворил дверь и пропустил молодого человека в следующую комнату.

Со странной смесью любопытства и какого-то тоскливого чувства Пауль окинул взглядом комнату, в которой, однако, в настоящую минуту никого, кроме него, не было. Но если он ожидал увидеть здесь что-нибудь необыкновенное, то еще раз обманулся, как и в прежних своих предположениях. Это была довольно большая полукруглая комната, из окон которой с двух сторон открывался вид на горы; дверь между окнами вела на балкон, с которого можно было наслаждаться еще более обширным видом. Обстановка с первого взгляда казалась гораздо проще, чем в прочих комнатах замка, в действительности же стояла значительно дороже, так как каждая вещь в ней представляла собой произведение искусства.

Только при ближайшем рассмотрении можно было оценить тончайшую резьбу на мебели, роскошь ковров и драгоценные тяжелые ткани занавесей и портьер. Все это великолепие тем менее бросалось в глаза, что всюду преобладали темные цвета, придававшие комнате характер суровой простоты. Дневной свет с трудом проникал снаружи из-за глубины оконных ниш, образовывавших как бы отдельные маленькие помещения, а дубовые панели на стенах еще более усугубляли мрачный вид комнаты, которую уже заполняли вечерние тени.

Дверь, через которую вошел Пауль, бесшумно закрылась за ним; теперь также бесшумно отворилась дверь из внутренних покоев, и в комнату вошел владелец замка. Молодой человек быстро, но не без смущения, двинулся к нему навстречу с почтительным поклоном, причем не мог удержаться, чтобы не бросить любопытного взгляда на того, о ком ходило так много различных толков.

Перед ним стоял высокий стройный мужчина, внешностью несколько не похожий на чудака. Сразу бросалось в глаза его безусловное сходство с племянником. У обоих были одни и те же правильные и благородные фамильные черты, но на этом сходство кончалось. Глаза и волосы барона Раймонда были несколько темнее, а лицо казалось удивительно одухотворенным, выражением, которое у Пауля совершенно отсутствовало. Это лицо поразительно, даже болезненно бледное представляло резкий контраст с цветущим, веселым лицом юноши. В русых волосах и окладистой бороде уже змеились отдельные серебряные нити, а глаза были того серо-стального цвета, который иногда кажется черным, а в иные минуты может приобретать яркий, светлый блеск. Странные глаза: их глубокий, загадочный, мечтательный взгляд, казалось, был создан для того, чтобы скрывать внутренний мир человека. Вероятно, они были очень красивы, когда вспыхивали огнем в дни юности, теперь в них виднелась только усталость, и если их взгляд мог оживляться, то это, вероятно, был лишь слабый отблеск былого пламени.

– Очень рад видеть тебя, Пауль, – сказал барон, протягивая руку племяннику. – Добро пожаловать!

Молодой человек с трудом скрывал свое смущение. Он вовсе не таким представлял себе дядю и встречу с ним. Весь благородный облик барона и спокойная серьезность обращения совсем не соответствовали тому эксцентричному портрету, который рисовала ему фантазия. Пауль заговорил о том, как рад увидеть дядю, и о своем давнишнем горячем желании лично поблагодарить его за его неизменное великодушие. Но Верденфельс, по-видимому, не придавал большого значения ни высказываемой племянником радости, ни его благодарности. Не отвечая ни слова, он жестом пригласил молодого человека сесть и сам последовал его примеру.

– Ты, вероятно, поражен, видя Фельзенек в его настоящем состоянии? – начал он. – Ты помнишь его развалиной?

– Я все более и более удивляюсь тому, что ты сделал из старых каменных обломков, – вполне серьезно ответил Пауль. – Восстановил старый укрепленный замок во всей его красе!

– Насколько, разумеется, это оказалось возможно сделать с помощью добытых старых планов и чертежей; постройка продолжалась несколько лет и была закончена лишь прошлой осенью.

– А ты сам все-таки живешь в старой башне, которая одна уцелела от прежних времен?

– Да, и рассчитываю там остаться.

– Зачем же было тогда строить замок, если ни ты, ни кто другой не живет там?

– Зачем? – спокойно повторил барон. – Просто для препровождения времени: ведь надо же что-нибудь делать. Одно только жаль: с окончанием такой постройки исчезает и всякий интерес к ней. С той поры, как Фельзенек приведен в надлежащий вид, я стал к нему совершенно равнодушен.

В безмолвном удивлении смотрел молодой человек на своего родственника, который «для препровождения времени» истратил сотни тысяч на такую постройку, а затем потерял всякий интерес к своему созданию.

– Во всяком случае ты устроил величественную резиденцию в уединении, среди высоких гор, – произнес он после некоторого молчания. – Ты, вероятно, неутомимый ходок по горам, дядя Раймонд?

– Нет, состояние моего здоровья не допускает такого напряжения.

– Но ты, конечно, страстно любишь охотиться здешних горных лесах?

– Я никогда не охочусь.

– Или ты в ничем не нарушаемой тишине предаешься научным занятиям? Это, кажется, всегда было твоей любимой склонностью?

Верденфельс покачал головой.

– Так было в годы моей ранней юности, теперь я очень мало занимаюсь наукой. Любители не могут постоянно находить в этом одинаковую привлекательность.

– Но, Боже мой, что же в таком случае привязывает тебя к этому месту? – воскликнул Пауль. – И что ты собственно любишь здесь, что так отдаляет тебя от всех людей?

– Горы, – медленно произнес Раймонд Верденфельс, – и одиночество! – Он встал и подошел к открытой настежь двери балкона. – Хочешь полюбоваться этим видом? Твои комнаты выходят на равнину, лишь отсюда видны высокие горы.

Следуя приглашению, Пауль вышел на балкон. В последние часы погода прояснилась, по горным склонам еще проносились облака, но туман исчез и вершины были отчетливо видны. Из этой части замка прямо под ногами на головокружительной глубине виднелась пустынная каменистая долина, с разбросанными по ней острыми утесами, а по окутанному туманом дну долины несся горный поток, рев которого слышен был даже здесь, наверху. Между острыми выступами каменных стен, опоясанных у подножия темными лесами, носились облака, и над ними в безмолвном величии поднимались вершины гор, частью покрытые снегом. Нигде не было видно человеческого жилья, ни одной смягчающей черточки незаметно было в этой картине, подавляющей своим диким величием. Кругом – только скалы, ели да снежные поля!

Прямо напротив замка выше всех поднималась одна вершина, имевшая форму почти правильной пирамиды. На ней также лежал блестящий снеговой покров, но она стояла одиноко, как бы повелевая всем остальным горным миром. Хотя от замка ее отделяла широкая долина, казалось, что она находится совсем рядом с ним, и в этой близости чувствовалось что-то грозное, как будто гора со своими ледяными стенами готова была раздавить жилище человека, отважившегося проникнуть в ее владения.

– Будет буря, – сказал Верденфельс, указывая в ту сторону. – Если эта вершина кажется такой близкой, следует ждать бури.

– Это – местный предсказатель бури? – спросил Пауль. – В нем есть что-то страшное, призрачное. Я чувствовал бы себя очень неудобно, если бы постоянно имел перед глазами эту неподвижную белую стену.

– Я уже много лет искренне люблю ее! Мы с ней хорошо знаем друг друга... даже слишком хорошо!

В его словах как будто не заключалось никакого особенного смысла, но тон, которым они были произнесены, поразил молодого человека, так же как и выражение лица дяди. Отличавшая его черты неподвижность, которую Пауль принял сначала за спокойную серьезность,

была, по-видимому, чем-то совсем иным. Мало-помалу на его лице все отчетливее выступала какая-то неприязненность, что-то неприятное. Всякое естественное стремление, всякое теплое человеческое чувство, кажется, были навеки погребены в его груди, и хотя взор, пристально устремленный на снежную вершину, казался мечтательным, но и в нем виднелся тот же мертвый покой.

Барон, видимо, почувствовал устремленный на него испытующий взор, потому что неожиданно оглянулся и спросил племянника:

– Как нравится тебе этот вид?

Вместо ответа Пауль пожал плечами.

– Ты, кажется, не в состоянии почувствовать от этой картины ни малейшего удовольствия?

– Откровенно говоря, нет! – заявил молодой человек. – Она крайне величественна и может вызвать сильное восхищение – на несколько часов. Но если бы я был вынужден день за днем смотреть на эту каменистую пустыню, то к концу первой недели у меня уже явилась бы мысль о самоубийстве, а на вторую неделю я стремглав бросился бы в первую попавшуюся деревню, чтобы только видеть людей и чувствовать, что я не одинок на свете.

– Для тебя это было бы, конечно, всего тяжелее! – с легким оттенком насмешки проговорил барон. – Но я перенес бы это. – Он снова вернулся в комнату, сделав Паулю знак следовать за ним. – Ты не догадываешься, почему я вызвал тебя в Германию? – спросил он, садясь на свое прежнее место.

– Нет, но искренне признаюсь, что был поражен. До сих пор ты никогда не выражал желания видеть меня.

– У меня и теперь не было такого желания, но оказалось необходимым положить конец твоему пребыванию в Италии. Может быть, ты и сам чувствовал это.

Пауль в смущении взглянул на дядю. Не мог же тот знать о его пребывании в Италии что-нибудь кроме того, о чем он сам писал ему в своих письмах.

– Я? – неуверенно произнес он. – Что ты хочешь этим сказать?

– Ты знаешь, что до сих пор я был твоим опекуном только по имени, – спокойно продолжал Верденфельс. – По смерти твоей матери ты был всецело предоставлен самому себе. Я не люблю разыгрывать роль ментора и теперь неохотно берусь за нее, но ты сам вызвал мое вмешательство. Ты был поручен мне твоим умирающим отцом, и я не могу уклониться от принятой на себя обязанности. Однако ты сам вынудил меня серьезно взяться за нее.

Пауль густо покраснел. Он слишком хорошо понимал, о чем говорит дядя, хотя для него оставалось загадкой, каким образом тот в своем уединении мог узнать о его образе жизни в Италии. Все-таки он попробовал защищаться.

– Не знаю, что ты мог слышать, дядя Раймонд, но уверяю тебя...

– Я ведь ни в чем тебя не упрекаю, – перебил его Раймонд. – Ты молод, любишь жизнь и легко поддаешься постороннему влиянию. При таких условиях нетрудно попасть в водоворот, и не у всякого достанет силы самому оттуда выбраться; у тебя этой силы вовсе нет, поэтому я должен прийти тебе на помощь. Было бы очень жаль, Пауль, если бы ты, не достигнув двадцати четырех лет, погиб в этом водовороте.

Молодой человек опустил взор, краснея. Не слова оскорбили его – в них не было даже никакого упрека, хотя он вполне сознавал, что заслужил его, – его обидело холодное, безучастное спокойствие, которым были проникнуты все речи дяди. Как будто тому было совершенно безразлично, погибнет ли окончательно его юный родственник или спасется. Своим вмешательством он лишь исполнял долг, которым видимо тяготился, сама же проблема несколько не интересовала его.

– Ты прав, – произнес наконец Пауль, с большим трудом сохраняя самообладание. – Я поступал легкомысленно, был благодарен по отношению к тебе, кому так обязан, но ты

можешь поверить, – при этих словах его голубые глаза смело глянули прямо в лицо дяди, – что я сам часто сознавал это и не раз пытался вырваться оттуда, но...

– Но твои так называемые «друзья» не хотели отпускать тебя, – докончил за него Раймонд Верденфельс. – Я все это знаю; там был еще некий Бернардо, подбивавший тебя на всякие глупости.

– Как, тебе и это известно? – воскликнул пораженный Пауль. – Я не знал, что ты так хорошо осведомлен обо всех моих итальянских знакомых.

Барон пропустил последнее замечание мимо ушей и продолжал прежним спокойным тоном:

– Было необходимо вырвать тебя из этой обстановки, вот почему я и вызвал тебя. Надеюсь и жду, что с теми отношениями раз и навсегда покончено, но чтобы ты совсем освободился от них, необходимо привести в порядок твои тамошние дела. У тебя остались там долги?

– Да, – чуть слышно ответил молодой человек.

Наступила минута признания, которая так страшила его; все же он не думал, что это будет ему так тяжело. Теперь он был уверен, что дядино спокойствие не выдержит, когда он узнает, о какой сумме идет речь. Однако барон даже не поинтересовался узнать ее.

– Обратись к моему поверенному Фрейзингу, через которого ты до сих пор получал деньги. Я дам ему знать, чтобы он немедленно урегулировал дело. Он живет в М., в двух часах езды отсюда, так что ты можешь лично обо всем переговорить с ним.

– Как тебе угодно! – нерешительно проговорил Пауль. – Но сумма велика, даже очень велика, я...

– Ты сообщишь ее поверенному! – перебил его барон. – Всякие дальнейшие разговоры об этом между нами излишни. Я только требую от тебя честного слова, что ты в этом отношении будешь полностью откровенен, чтобы со всеми долгами можно было совершенно покончить. Обо всем остальном позаботится Фрейзинг.

Безмолвно слушал его Пауль, еще не понимая, принесет ли этот разговор ему облегчение или подействует угнетающим образом. Он очень боялся объяснения, а на деле оно вышло совсем просто, без каких бы то ни было сцен. Дядя даже не захотел слышать о размерах суммы его долгов, составляющей целое небольшое состояние, не высказал ни одного упрека. Но его холодное, полупрезрительное отношение к этому вопросу привело молодого человека в глубокое смущение. Он предпочел бы услышать упреки и осуждение, за которыми последовало бы откровенное прощение, и горячие слова благодарности, готовые было сорваться у него с языка, так и не были произнесены.

– Благодарю тебя, – несколько принужденно произнес он наконец. – Я не ожидал, что ты так отнесешься к этому, но постараюсь лучше отплатить за твою доброту, чем делал это до сих пор.

Раймонд Вендерфельс устремил на своего молодого родственника испытующий взор, но лицо его оставалось по-прежнему равнодушным.

– Это порадует меня... ради тебя. А теперь больше об этом ни слова! Все, что нужно, высказано и улажено, и должно быть предано забвению! Ты, надеюсь, доволен своими комнатами? Ты привез с собой собственную прислугу?

– Да, старика Арнольда, который всегда при мне.

– Он, кажется, уже давно служит у вас?

– Более сорока лет. Я получил его в наследство от моих родителей.

– И ты, вероятно, очень привязан к нему?

– Разумеется! – ответил Пауль, втайне удивляясь, что столь ко всему равнодушный дядя так подробно осведомлялся о совершенно неизвестном ему старом слуге. – С самого раннего детства я всегда находился под исключительным надзором, он даже уверяет, что «воспитал» меня. Мы всегда с ним воюем, так как он при всяком случае позволяет себе разыгрывать моего

повелителя; но я прекрасно знаю, что он предан мне душой и телом, да и сам я не мог бы обойтись без него и его вечных проповедей.

– На некоторые посягательства таких старых слуг надо смотреть сквозь пальцы, – сказал Верденфельс. – Они считают себя как бы членами семьи и до известной степени имеют на это право. Не отпускай своего Арнольда!

– Ты заинтересовался им? – спросил Пауль, которому в этих словах почудилось какое-то особенное значение. – Он был бы счастлив, если бы ему было разрешено представиться тебе, дядя Раймонд.

Барон сделал отрицательное движение.

– Нет, я не люблю видеть около себя чужие лица. И вот что еще, Пауль: выкинь из наших разговоров слово «дядя»! Положим, мы с твоим отцом были двоюродные братья, но разница в годах между тобою и мной не так велика» чтобы оправдывать титул «дяди».

Пауль с удивлением смотрел на дядю, которому оказалось всего тридцать четыре года и которого он до сих пор считал, по крайней мере, лет на десять старше. Конечно, лицо у него было еще совсем молодое, но поразительная бледность и несколько глубоких морщин делали ошибку Пауля вполне простительной.

– Что касается твоего дальнейшего местопребывания, – продолжал Раймонд, – то ты пока останешься здесь. Я знаю, что тебе не того хотелось бы, но считаю, что лучше не подвергать тебя сразу новым искушениям, которых ты не избежал бы, если бы я отправил тебя в столицу. Конюшни в твоём полном распоряжении, ты можешь ездить верхом и в экипаже, куда тебе угодно; в здешних горах превосходная охота, библиотека замка также вся к твоим услугам. Впрочем, тебе волей-неволей придется мириться с одиночеством и скукой Фельзенека. Сам я буду с тобой редко видеться, я не люблю, чтобы нарушались мои привычки. В течение зимы, вероятно, найдется для тебя какая-нибудь деятельность, которая обеспечит тебе в будущем прочное положение. А теперь – прощай на сегодня!

В течение зимы! Пауль так ужаснулся перспективе провести здесь целую зиму, что не нашелся ничего ответить. Хотя в душе он твердо решил ни под каким видом не оставаться в Фельзенеке, но в настоящую минуту всякое противоречие было немыслимо. Как ни спокойно звучали слова Раймонда, но в них заключалось совершенно определенное приказание, и после бесспорного великодушия, которое тот только что проявил, молодой человек считал неудобным сразу открыто противиться его воле. Он поклонился и вышел. Барон махнул ему рукой на прощанье и, снова выйдя на балкон, стал смотреть на вершину горы Гейстершпиц, отчетливо вырисовывавшуюся в своем блестящем снежном одеянии.

Глава 3

Люди нисколько не преувеличивали, уверяя, что владелец Фельзенека сделался притчей во языцех у всех обитателей окрестности. Чем меньше он интересовался светом и вообще людьми, тем более они интересовались им, а полнейшее одиночество и уединение, в котором он жил, давали повод к самым странным слухам. Большой частью эти слухи были так невероятны, что люди благоразумные относили их к области басен, довольствуясь тем, что признавали Раймонда Верденфельса мизантропом самой чистой воды. В самом деле, трудно было иначе объяснить то упорство, с каким он избегал общества и даже случайных встреч. Он был невидим для всех соседей и недоступен для своих служащих, с которыми никогда не имел непосредственных отношений. Далее прислуга, за исключением камердинера, редко видела своего господина. Он никогда не бывал в Верденфельсе или в каком-нибудь другом из своих поместий и словно очертил вокруг Фельзенека заколдованный круг, через который никто не смел переступить, хотя попытки пробраться за него делались неоднократно. Слугам был отдан в этом отношении самый строгий приказ, и он так же строго исполнялся. Двери замка не отворялись ни для кого, кто не был лично приглашен владельцем.

Такой образ жизни Раймонда Верденфельса возбуждал в соответствующих кругах не только удивление, но и порицание. Находили просто неслыханным, чтобы человек, призванный, благодаря своему имени, богатству и семейным традициям, занимать одно из первых мест в обществе, отказывался играть какую бы то ни было роль среди помещиков, между которыми он был самым значительным. Ему не могли простить упорного равнодушия к интересам страны и происходящим в ней событиям и считали оскорблением его решительный отказ от всякой общественной деятельности. Он возбуждал всеобщее сильное любопытство, не пользуясь ничьей симпатией.

Но еще хуже были отношения между бароном и сельским населением, которое было настроено к нему просто враждебно, и эта враждебность яснее и резче всего проявлялась в его собственных имениях. Даже многочисленные служащие, занимавшие различные должности в его обширных поместьях и громадных лесных владениях, редко, почти никогда не защищали своего хозяина, хотя долг и не позволял им открыто принимать сторону его противников. Здесь безусловно верили всем слухам, ходившим о Раймонде Верденфельсе, и чем невероятнее были эти слухи, тем упорнее они держались. Какая-то смесь страха, ненависти и суеверия окружала его личность мрачным сказочным ореолом.

Со всеми этими обстоятельствами Пауль Верденфельс был знаком очень поверхностно. До него только изредка доходили слухи о том, что происходило на его родине, и на основании этих слухов и того, что он сам видел и слышал в Фельзенеке, пребывание в замке казалось ему совершенно невозможным. Хотя он уже прекрасно знал, почему его внезапно вызвали из Италии и не мог не признать справедливости этого вызова, но со времени встречи с Раймондом он понял, что «многоуважаемому дядюшке», как называл его Арнольд, было очень неудобно близко сходитья со своим легкомысленным племянником. Барон смотрел на вторжение в его обычное одиночество, как на докучную помеху, но считал своей обязанностью отвлечь от искушений большого света молодого человека, которого он до сих пор предоставлял самому себе. Такого рода искупление грехов было вовсе не по душе Паулю, и он в отвратительнейшем настроении вошел в комнату, где Арнольд распаковывал его вещи.

– Ты разберешь только самый маленький чемодан, – приказал он, – и вынешь только те вещи, которые тебе необходимы на неделю. Мы во всяком случае долго здесь не останемся.

– Что? – воскликнул Арнольд, прерывая свое занятие и с удивлением глядя на вошедшего. – Разве дядюшка согласился на это?

– Дядя? – сердито усмехнулся Пауль. – Он имеет премиленькое намерение оставить меня на всю зиму в Фельзенеке, чтобы я искупал здесь свои грехи и в то же время проходил курс человеконенавистничества. Но на подобное наказание я не согласен. Мы уедем на будущей же неделе.

– Нет, этого мы не сделаем, дорогой мой господин, – преспокойно заявил старик, продолжая разбирать вещи.

– А я тебе говорю, что уедем! Уж не прикажешь ли ты мне сделаться монахом в этой глуши? Неужели мне придется целыми днями охотиться за сернами или с отчаяния приняться за изучение ученых сочинений, хранящихся в библиотеке, великодушно предоставленной в мое распоряжение? Я не вынесу жизни в этом проклятом замке с его холодным и неприветливым великолепием. Мне кажется, что меня здесь околдовали, а дядя представляется мне волшебником, от которого ничто не скроется. Он, никогда не покидавший своего замка и не входящий в общение с людьми, знает решительно все, что касается моей жизни в Италии. Он знает обо всем и обо всех, даже о Бернардо!

– Даже и о синьоре Бернардо? – повторил Арнольд, как-то странно глядя в сторону. – Откуда же он мог осведомиться об этом?

– Почему я знаю? Может быть, ему об этом шепнула белая вершина Гейстершпица? Естественным путем он не мог бы узнать этого.

– Дядюшка очень были сердиты на нас за наши долги? – с видимым удовольствием спросил старый слуга.

– Нет, – серьезно ответил Пауль, – он был сама доброта, но я предпочел бы, чтобы он выбрал меня, предпочел бы самые горькие упреки тому ледяному равнодушию, с каким он все допускает и все прощает. У него нет ни искорки теплого чувства ни ко мне, ни к чему бы то ни было на свете. В нем словно умерли все человеческие чувства.

Арнольд имел обыкновение противоречить своему молодому господину, это было его принципом, но на сей раз они сошлись во мнениях. Старик уже успел порасспросить слуг и столько услышал от них о странностях барона, что и ему не особенно улыбалось пребывание в Фельзенеке, но он должен был считаться с обстоятельствами.

– На особенное веселье здесь рассчитывать нечего, – проговорил он. – Кажется, дядюшка, с позволения сказать, не совсем в своем уме.

– Вот именно! – от всей души согласился Пауль. – Разумный человек не может иметь подобных привычек.

– Но все же это не причина, чтобы отказывать ему в должном уважении, – с особенным ударением произнес Арнольд. – Он все-таки остается главой семьи, а кроме того – нашим опекуном.

– Я уже давно совершеннолетний, – вспыхнул Пауль, – уже целых три года!

– Да, но у нас нет денег, – настаивал Арнольд. – Дядюшка могут лишить нас наследства, и они непременно сделают это, если мы не будем слушаться их. Все эти поместья – не майорат, дорогой мой господин, вы это прекрасно знаете; значит, все дело в завещании.

– Мне все равно, я не из тех, что гоняются за наследством, – воскликнул молодой человек, принимаясь нетерпеливо шагать по комнате. – Одним словом, я не останусь в Фельзенеке, мне вреден здешний воздух. Через несколько дней я заболею, серьезно заболею. Дядя увидит, что перемена воздуха для меня необходима, и не поставит так легкомысленно мою жизнь на карту. Таким образом все обрзается.

Старый слуга с огорчением покачал седой головой.

– Постыдились бы вы играть такую комедию! У вас такой цветущий вид, что просто грешно говорить о болезни.

– У меня делается лихорадка, – объявил Пауль, – для этого не надо быть бледным. Я действительно заболею от досады и огорчения, если останусь здесь. При всех своих странно-

стях дядя, кажется, еще ненавидит женщин. Вся прислуга в замке исключительно мужская. В этих стенах нет и признака женщин. Единственная представительница женского пола – жена лесничего, да и той, – со вздохом закончил Пауль, – за шестьдесят!

Между тем Арнольд, разобрав чемодан, быстро поднялся и с торжественным видом остановился перед своим господином.

– Об этом вы уже успели узнать? Опять вся беда в женщине! Неужели вы думаете, что я не понимаю, из-за чего вы так упорствуете? Всею виной знакомство во время путешествия из Венеции. Счастье еще, что им пришлось остаться в В., а мы должны были уехать. Потому-то вы были так сердиты всю дорогу, потому-то и теперь хотите отсюда уехать, сломя голову, рискуя навлечь гнев дяди, рискуя наследством и всей своей будущностью. О, я понимаю, в чем тут дело!

– Арнольд! Я запрещаю тебе подобные проповеди! – крикнул рассерженный Пауль. – Ты забываешь, что я уже не мальчик, которым ты мог помыкать. Мне двадцать четыре года, и я требую уважения и почтения, которые ты обязан оказывать мне, как своему господину.

– Прежде всего вам следует быть благоразумнее, дорогой мой господин, гораздо благоразумнее! – сухо ответил Арнольд. – До сих пор вы благоразумием не отличались, это мы видели в Италии, и вам нечего ломать голову над тем, откуда знает дядюшка о наших тамошних проделках: я сообщил ему всю правду.

– Ты? – От удивления и огорчения молодой человек буквально задохнулся. – Ты?

– Да, я написал барону. Я сделал это и почтительно сообщил ему, что мы близки к полнейшему разорению и что следует положить конец такой жизни. Это помогло, потому что через неделю пришло письмо, вызывающее вас сюда. До сих пор я молчал об этом – ведь иначе вы бы не приехали в Фельзенек. Да и дядюшка, как я вижу, тоже молчал. Он, может быть, думал, что мне могут быть от вас неприятности. Ведь он не знает, – и Арнольд с чувством собственного достоинства поднял голову, – в каких мы отношениях.

Столь прославляемым отношениям пришлось выдержать тяжелое испытание, так как Пауль при этом разоблачении совершенно вышел из себя. Он говорил о нежелательном вмешательстве в его дела, об интригах, о невыносимой опеке и обрушился на старого слугу со всей силой своего пылкого темперамента.

Тот выслушал все с невозмутимым спокойствием и произнес:

– Я исполнил свой долг и ничего более. Я обещал это еще покойной баронессе у ее смертного одра. Она нарочно позвала меня, чтобы сказать мне...

– Арнольд, перестань! Своими постоянными повторениями ты добьешься того, что я возненавижу память моей матери! – с чувством воскликнул Пауль, зная, что эта тема всегда была неисчерпаемой. Раз навсегда говорю тебе, что я не останусь в Фельзенеке, а если тебе придет в голову плести против меня новые интриги, то я уеду один и оставлю тебя здесь!

И, хлопнув дверью, Пауль вышел из комнаты. Арнольд смотрел ему вслед, укоризненно качая седой головой.

– И этот юнец требует к себе уважения и почтения от такого старика, как я! – с огорчением проговорил он. – Только на этот раз никакие вспышки гнева не помогут: мы останемся здесь и научимся подчиняться. Слава Богу, хоть в этом единственном пункте многоуважаемый дядюшка оказывается разумным.

С этими словами старый слуга достал ключ и, вопреки запрещению своего господина, принялся разбирать большой сундук.

Выйдя из комнаты в сильном возбуждении, Пауль прошел на террасу, тянувшуюся перед его окнами. Он был взбешен из-за поступка Арнольда, а еще более из-за приказа дяди остаться в Фельзенеке, тогда как он всеми силами рвался отсюда. Проницательные глаза старого слуги не ошиблись: прекрасная спутница занимала все чувства и помыслы молодого человека. Он приехал в В. одновременно с нею и знал, что она остановилась в местной гостинице.

Тогда он решил, что и ему необходимо приехать туда же. Однако ему ничего не удалось узнать. Служанка оказалась необщительной, а Арнольд, которого он хотел употребить в качестве разведчика, вместо того чтобы повиноваться, прочел ему целую проповедь. Теперь все дело было в том, чтоб не потерять так счастливо найденного следа, и Пауль раздумывал, как и под каким предлогом удобнее устроить свой отъезд. Лучшим средством казалось ему внезапно заболеть от резкого воздуха Фельзенка. Воздух был действительно резок, но его суровое смолистое дыхание благотворно действовало на нервы молодого человека, ослабевшего в мягком, душном воздухе Италии.

Пауль стоял на приютившейся на выступе скалы террасе, с которой был виден весь громадный замок. Только здесь, в его непосредственной близости, выступал он во всем своем величии. Все эти стены, башенки и выступы, с их кажущейся неправильностью, соединялись в одно живописное целое, гораздо более величественное и грандиозное, чем прежняя крепость, хотя при постройке замка руководствовались старыми планами. Широкая каменная галерея со стройными колоннами и высокими сводами, ажурная лепка которых представляла настоящее произведение искусства, вела в старую часть замка. И здесь рука архитектора старалась по возможности щадить и поддерживать сохранившиеся части здания, в то же время препятствуя начатому временем разрушению.

Густой столетний плющ покрывал темные стены круглой башни, где помещался кабинет хозяина. Его стебли, толщиной в руку, вросли в каменную кладку и покрывали ее непроницаемой сеткой зеленых ветвей и листьев. Флигель, примыкавший к башне, также был весь покрыт плющом, но здесь он рос не так густо, позволяя видеть во многих местах еще крепкие, как железо, квадратные плиты древних стен. Замок Фельзенек, построенный на вершине скалы, господствовал над всей долиной, гордо и грозно поднимаясь к облакам, которые довольно часто спускались к нему и со всех сторон окутывали его.

И такую постройку барон вздумал возвести в этой глуши, где ее никто не видел, никто ею не восхищался, даже собственный владелец! Пауль не мог не согласиться с Арнольдом, который при всем своем уважении к барону считал, что тот не совсем в своем уме.

Молодой человек был еще занят составлением планов своей мнимой болезни и отъезда, как вдруг на террасе появился дворецкий, пришедший от имени хозяина узнать, доволен ли молодой барон своими комнатами и не желает ли он чего-нибудь.

– О, ровно ничего! Все прекрасно, великолепно! – сказал Пауль, с трудом скрывая свое дурное расположение духа. Его сердило здесь решительно все, даже спокойная речь старика-дворецкого.

– Его милость думал, – продолжал дворецкий, – что вы, может быть, предпочтете вид на равнину, господин барон, и потому назначил для вас эти комнаты.

– Я очень благодарен дяде за его заботливость, – ответил Пауль, решив как можно скорее избавиться от общества старика. Впрочем, он все-таки счел за лучшее выказать некоторый интерес к окружающей местности, и, поэтому, вооружившись подзорной трубой, стал расспрашивать старого дворецкого.

Тот давал ему необходимые объяснения кратко, но толково, называя отдельные вершины и местечки. Вид с террасы не был так дик и так полон мрачного величия, как вид из окон барона Раймонда, но тем не менее он тоже был грандиозен. Оттуда можно было видеть лишь пропасти и горные ледники, а с противоположной стороны замка была видна извилистая горная дорога, а за нею – выход из долины, открывавшийся красивым полукругом и граничивший с равниной. Понемногу скалы раздвигались, уступая место зеленым предгорьям, где там и сям виднелись отдельные хутора, церкви и целые деревушки. Горный поток здесь широко разливался, и его течение становилось спокойнее. Отсюда можно было следить за его поворотами, пока он не исчезал вдали. Эту даль сегодня окутывал туман, но вблизи воздух был так прозрачен, что окрестности были отчетливо видны на несколько миль кругом.

– Вот это – Верденфельс, – сказал дворецкий, указывая на большое село, лежащее у самого входа в долину, – а сразу за ним, на том холме – ваш родовой замок, господин барон.

– Я знаю. Десять лет назад я был там со своим отцом, – ответил Пауль, наводя подзорную трубу на видневшееся вдали обширное строение.

Оно не возвышалось, подобно Фельзенку, среди скал и мрачных елей, а стояло на открытой возвышенности, как будто весело озирая далекую равнину. Кругом расстилались богатые верденфельские владения, окруженные многочисленными поместьями и лесами.

– И этот прекрасный дом с очаровательным месторасположением, с обширными садами и террасами совсем заброшен? – спросил Пауль, опуская подзорную трубу.

– Его старательно охраняют от разрушения, – ответил дворецкий. – Господин барон ежегодно отпускает значительные суммы на поддержание замка и садов.

– Но ведь со дня смерти своего отца он там ни разу не был?

– Ни разу.

– Странно! Тогда поговаривали, будто там произошло что-то, что сделало для него неприятным пребывание в Верденфельсе.

– Насколько я знаю, ничего подобного не произошло.

– Ничего? – переспросил Пауль, зорко вглядываясь в лицо старика. – Однако я знаю, что у моих родителей часто заходила речь об этом. Только я не могу хорошенько вспомнить, в чем именно было дело, мальчики обычно мало обращают внимание на подобные вещи. Но вы, во всяком случае, были уже тогда на службе у барона. И действительно ничего не знаете об этом?

– Решительно ничего, господин барон.

«Мне легче было бы заставить говорить камень, чем эту мумию!» – с досадой подумал Пауль, снова принимаясь за свои наблюдения, и спросил:

– А вот тот маленький белый замок, или дача, тоже принадлежит к верденфельским владениям?

– Нет, это – Розенберг, маленькое имение, принадлежащее одной вдове.

– Вдове, которой, вероятно, также за шестьдесят, – сказал Пауль; если говорить откровенно, последние слова были произнесены им только мысленно. В сущности, ему было все равно, кому принадлежит это поместье, он спрашивал только от скуки. – А как фамилия вдовы?

– Фон Гertenштейн.

Подзорная труба чуть не выпала из рук молодого человека, так быстро и неожиданно он обернулся.

– Как вы назвали фамилию?

– Фон Гertenштейн, – повторил дворецкий, удивляясь поспешности, с какой был задан вопрос, и яркому румянцу, вдруг залившему лицо молодого барона. Пауль поймал его удивленный взгляд и старался прикинуться равнодушным, что ему никак не удавалось.

– Дорогой я познакомился с дамой, носившей ту же фамилию... Молодая и очень красивая дама.

– Да, это она, – ответил дворецкий, не спуская взгляда с взволнованного лица молодого человека.

– Давно овдовела? Обычно она не живет в Розенберге? Но навещает его когда-нибудь?

На порывистые вопросы Пауля последовали холодные, сдержанные ответы.

– Мы живем в Фельзенке очень уединенно и потому не знаем ничего о жизни наших соседей. Я только случайно узнал, что госпожу фон Гertenштейн ожидают в Розенберге на будущей неделе. Об этом сказал мне наш поверенный Фрейзинг, с которым я вчера виделся.

В порыве восторга Пауль готов был броситься на шею старому дворецкому, которого еще так недавно назвал в душе «мумией». Но поскольку сделать это было немыслимо, он вдруг стал до того любезным, каким его еще никто не видел. Он восхищался видом, комнатами, замком, и вообще всем, что его окружало, осведомился об охоте, на которую собирался на другой же день,

о замковой библиотеке, которой намеревался воспользоваться для своих будущих «занятий», – одним словом, делал вид, что он в полном восторге от предстоящей жизни в Фельзенеке. Зато дворецкий стал заметно сдержаннее, хотя и не переставал быть вежливым; возможно, он и угадывал истину, а через несколько минут раскланялся и вышел.

Арнольд занимался еще раскладкой вещей, когда в комнату вошел его молодой господин, на сей раз с совершенно другим выражением лица.

– Ты еще не кончил? – спросил он нетерпеливо.

– Нет, я распаковываю большой чемодан, в котором уложен весь ваш гардероб, – заявил Арнольд с ударением и встал перед своим господином в позе нападающего. Но этот маневр оказался излишним, потому что Пауль с неожиданной снисходительностью отнесся к непослушанию слуги.

– Продолжай! – отвечал он. – Я много думал о нашем разговоре и пришел к заключению, что ты прав.

Арнольд от испуга уронил на пол всю дюжину платков, которую в этот момент держал в руках. Неужели строптивый молодой господин решился наконец признать его правым? Нет, нет, не может быть, он ослышался!

– Ты прав, я должен повиноваться дяде, – продолжал между тем Пауль. – Он глава нашей семьи, мой опекун, и я так обязан ему за его доброту, что было бы великой неблагодарностью противоречить его желанию. Одним словом, говорю тебе, Арнольд, ты прав и я прощаю тебе твою самовольную выходку. Конечно, ты не должен был ничего предпринимать без моего ведома, но ты желал мне добра – теперь я понимаю это. Во всяком случае мы останемся в Фельзенеке.

– На всю зиму? – спросил старый слуга, не веря своим ушам.

– На всю зиму, и даже на лето, если того потребует дядя. Распаковывай все чемоданы, мы остаемся!

С этими словами Пауль вернулся к себе в комнату, где к своему удовольствию заметил, что из окон ясно виден Розенберг.

Арнольд, как окаменелый продолжал стоять перед открытым чемоданом, он слишком хорошо знал своего молодого господина, чтобы поверить столь быстрому превращению. Наконец он нагнулся, чтобы поднять с пола платки, и тихо проговорил:

– Не иначе как нашел здесь кого-нибудь помоложе шестидесяти лет... знаю я его!

Когда-то Верденфельсы были могущественным родом, который держался особняком и почти неограниченно властвовал над всей местностью. Новые реформы, правда, положили конец этой неограниченной власти, но за Верденфельсами осталось все-таки довольно сильное влияние, которое, смотря по обстоятельствам, могло быть благодетельным или вредным для окружающих. В основном же управление Верденфельсов никогда не было для подвластных им благотворным. Жестокость и угнетение с одной стороны, страх и с трудом скрываемая ненависть с другой царили в продолжение многих поколений, а при отце теперешнего владельца долго сдерживаемая ненависть перешла в открытое возмущение.

Уже давно скончался старый барон, но успел позаботиться о том, чтобы он сам и его управление не были забыты. Он был одной из тех деспотичных, жестоких и своенравных натур, какие, к сожалению, нередко встречались в роде Верденфельсов. Он родился и воспитывался в то время, когда человек его сословия считал почти все для себя дозволенным, между тем как люди низкого происхождения оказывались почти совершенно бесправными. Благодаря высокому военному званию, которое старый барон носил много лет, он привык к безусловному повиновению окружающих и не мог и не хотел понять, что наступило время, вырывавшее из его рук одну привилегию за другой, предписывающее границы его произволу и принуждающее его уважать других. Своеволие барона обнаруживалось при всяком удобном и неудобном слу-

чае. Оно тягостно отзывалось на людях, живущих на его земле, так же как и на его подчиненных по службе. Да и его близкие не были избавлены от угнетения.

Жена барона происходила из еще более древнего рода, чем род Верденфельсов, и имела в своем гербе княжескую корону. В своем выборе барон руководствовался исключительно этим обстоятельством, личное расположение не играло никакой роли. Он столько же гордился происхождением своей жены, как и рождением сына, поскольку считал необходимым иметь наследника своего имени и продолжателя рода. Едва ли сын имел в его глазах другое значение. Будь Раймонд таким же диким и необузданным, как и он сам, отец, может быть, увидел бы в нем свое отражение и полюбил его. Но серьезный, задумчивый мальчик был до глубины души антипатичен барону, и постоянно вызывал его порицания и грубые насмешки.

Молодого барона редко видели и мало о нем знали. Рано потеряв мать, он рос почти исключительно под суровым надзором отца, не допускавшего в сыне никакой самостоятельности. С крестьянами Раймонд никогда не сближался, может быть, он не смел делать это, а может быть, и не хотел. Как бы то ни было, он не сделал ничего, чтобы смягчить общую ненависть к отцу; кроме того, все знали, что тот и не слушал сына, который, как и все остальные, должен был подчиняться его железной воле; все это, однако, не помешало тому, чтобы общая неприязнь перешла с отца на сына.

Наступил год, когда революционное движение, начавшееся сначала в городах, мало-помалу охватило и сельское население. В поместьях начались открытые восстания и мятежи, чуть тлевшие искры вспыхивали ярким пламенем. А в Верденфельсе горючего материала было более чем достаточно. Скрываемые годами ненависть и злоба сразу вспыхнули, и обстановка, сложившаяся там, была более грозной, чем где бы то ни было. Но барона невозможно было убедить пойти хотя бы на малейшие уступки. Он насмехался над своими соседями за страх перед их «крестьянами и поденщиками», а со своими обращался еще надменнее прежнего.

Последствия не заставили себя ждать. Произошел целый ряд тяжелых, безобразных сцен, однако Верденфельс, несмотря ни на что, постоянно выходил из них победителем. Он лучше любого другого умел играть роль повелителя, а его непреклонная гордость и бесстрашие производили неотразимое впечатление на людей, видевших вокруг множество примеров жалкой трусости. Все шумели и горячились, но никто не решался всерьез посягнуть на человека, которого издавна привыкли бояться.

Наконец дело дошло до крайности. Поводом для столкновения послужил незначительный случай, а непоколебимое упрямство, проявленное при этом бароном, заставило вспыхнуть давно разгоравшиеся страсти. Все население деревни с громкими криками двинулось к замку, грозя помещику, который и не думал уступать его требованиям и велел забаррикадировать дверь, вооружил своих слуг и довел дело до настоящего сражения. Крестьяне попытались ворваться в замок силой, толпа пошла на штурм, и последний удался бы, так как способ защиты оказался совершенно неудовлетворительным, и чрезвычайное озлобление людей заставляло бояться самого худшего, если бы замок и его владельцы попали в их руки.

Но столкновение кончилось столь же неожиданно, как и началось. В самый решительный момент, когда двери замка уже начали подаваться, в деревне вспыхнул пожар. Как и отчего он начался, никто не знал, но один из хуторов вдруг запылал ярким пламенем. Стоял холодный и сухой день, и с гор в долину дул порывистый ветер. При виде ужасной опасности, угрожающей их домам, мятежные крестьяне забыли и свое озлобление, и жажду мести. Они бросились в деревню спасать свое имущество, однако было слишком поздно – огонь нашел себе обильную пищу, и вырвавшаяся на свободу стихия смеялась над всеми человеческими усилиями. Ветер переносил пламя с одного дома на другой.

Все попытки борьбы с огнем были напрасны, и некоторые смельчаки, бросившиеся в горящие постройки, чтобы спасти имущество или скот, были раздавлены обрушившимися балками. В несколько часов вся деревня обратилась в пепел, и три человека стали жертвами пла-

мени. Замок остался невредимым на своей недоступной высоте. Пожар, вспыхнувший как раз в решительный момент мятежа, спас замок.

Но ненависть и ожесточение теперь, из-за случившегося несчастья, удесятились. Люди стали искать связь между этими двумя событиями. Начали ходить темные слухи о том, что пожар был не случайным, что он – дело рук барона, и хутор подожгли, чтобы отвлечь нападавших от замка и спастись. Говорили даже, что собственный сын барона сделал это, выполняя приказание отца. Вздорные, ни на чем не основанные и никем не подтвержденные слухи, но им верили, и возмущение против помещика достигло такой степени, что ему приходилось бояться за собственную жизнь.

По-видимому, он наконец сам понял это, по крайней мере он вместе с сыном покинул Верденфельс. Когда через несколько лет барон вернулся, политические волнения стихли, правительство снова крепко держало в своих руках бразды правления и не допускало ни малейших беспорядков. Поэтому барон мог не опасаться открытого нападения, а глухой вражды и ненависти, которые по-прежнему окружали его, он старался не замечать. У него были в распоряжении другие поместья и замки, но гордость не позволила ему переменить местопребывание, что могло быть объяснено страхом, и он остался в Верденфельсе, упрямый, надменный и непокорный, каким был всегда, и снова занял свое место во главе местных землевладельцев.

Молодой барон Раймонд не вернулся. Отношения между ним и отцом, как видно, сильно осложнились. Прежде он встречал отказ в малейшей самостоятельности, теперь же почти все время проводил в путешествиях и по месяцам не виделся с отцом. В Верденфельс Раймонд приезжал редко, всегда на короткое время и каждый раз только по строжайшему приказанию отца.

Так проходили годы, а Раймонд и не думал о женитьбе, на которой настаивал его отец, считавший брак необходимой обязанностью единственного сына и наследника. Когда все его увещания в этом направлении ни к чему не привели, старый барон, по своему обыкновению, прибег к насилию: выбрал подходящую партию, посватался за своего сына и тогда вызвал его из Италии, чтобы сообщить ему, что брачный союз уже решен обоими семействами и от него ждут лишь формального предложения. Но на этот раз ему не удалось настоять на своем: Раймонд решительно отказался повиниться. Отец, который зашел слишком далеко, чтобы отступить, вышел из себя и стал грозить сыну проклятием и лишением наследства, но тот остался непоколебим. При этом разговоре были затронуты и другие вопросы, и он закончился полнейшим разрывом. Раймонд покинул отцовский дом, чтобы больше не возвращаться, и барон уже собрался привести в исполнение свою угрозу лишить сына наследства, но тут, вероятно, вследствие большого волнения, с ним случился удар.

Сын, немедленно вызванный врачами, приехал слишком поздно и нашел лишь холодный труп своего отца. Таким образом в Верденфельсе появился новый владелец.

Сначала казалось, что теперь начнутся, лучшие времена, но надежды эти не оправдались. Старому барону при всех его недостатках нельзя было отказать в строгой последовательности, сын, напротив, оказался непостоянным и даже капризным во всех своих предприятиях и склонностях. Вскоре после похорон отца он уехал из замка и поселился в маленьком охотничьем домике, в получасе езды от замка, и как будто старался всецело посвятить себя управлению своими имениями, вдали от которых так долго жил и к которым был вполне равнодушен, пока ими управлял его отец. Раймонд составлял грандиозные планы построек и различных усовершенствований, осыпал своих служащих благодеяниями и даже делал попытки лично сойтись с ними. Однако все это кончилось так же внезапно, как и началось. Может быть, ему надоело то, что вместо благодарности он всюду встречал прежние недоверие и вражду, а возможно, что все его мероприятия были только случайной филантропической прихотью.

После этого Раймонд бросился в другую крайность: стал избегать тех знакомств, к которым еще недавно так стремился, и повел уединенную жизнь в Фельзенеке, представлявшем

теперь вместо прежних руин прелестный уголок. Верденфельс и прочие замки были оставлены. Их содержание ежегодно стоило колоссальных сумм, хотя ими никто не пользовался, никто даже не посещал их. К счастью, постройки находились под внимательным и добросовестным надзором. Об этом позаботился старый барон, который был хорошим хозяином, а так как все прежние служащие, получая приличное жалованье, охотно остались на службе у молодого барона, то управление делами шло по-прежнему. Верденфельские владения подымались в цене и приносили все больше и больше дохода, а владелец их с каждым годом все теснее замыкался в своем одиночестве и наконец совсем отрекся от света и жизни. Поэтому соседи немало удивились, узнав, что в Фельзенеке появился гость.

На Пауля Верденфельса смотрели как на вероятного наследника, поскольку он был единственным представителем рода; все знали, впрочем, что барон Раймонд окончательно порвал какие бы то ни было родственные связи. Так держал он себя до сих пор и по отношению к новому родственнику, и внезапный вызов племянника истолковывали, как новый каприз барона. Все жалели молодого человека, который принужден был покинуть прекрасную Италию и своих друзей, чтобы составить компанию своему дяде-человеконенавистнику в этом уединенном замке, где ему приходилось жить в качестве почти пленника, так как само собой подразумевалось, что ему не позволят входить в какие-либо отношения с соседями.

Пауль, наоборот, склонен был видеть в этом, как ему сперва казалось, незаслуженном наказании один из тех счастливых случаев, которым всегда завидовал его друг Бернардо.

С тех пор как он узнал, что его прекрасная дама находится вблизи замка, он не променял бы пребывание в Фельзенеке ни на что другое.

На время он оставил в покое и охоту на серн, и знакомство с библиотекой замка, но зато очень спешил переговорить о своих делах с адвокатом Фрейзингом, на которого указал ему дядя. Этот господин знал о предстоящем приезде госпожи фон Гертенштейн, следовательно, он был знаком с ней и поэтому оказался самой интересной личностью в глазах молодого барона, сделавшего ему визит на следующий же день.

Фрейзинг, высокий и худошавый человек лет сорока, с довольно приятным, но несколько сухим лицом, принял своего нового клиента, которого, по-видимому, ожидал, в кабинете. Благодаря великодушию барона, ближайший и довольно неприятный вопрос, вызвавший это посещение, был скоро улажен, однако адвокат не мог удержаться, чтобы не покачать укоризненно головой, когда требуемая сумма была названа. Но так как ему было отдано распоряжение безотлагательно уплатить по всем долговым обязательствам Пауля фон Верденфельса, он попросил только назвать ему имена и дать адреса. Пауль с готовностью сообщил необходимые сведения и со вздохом облегчения выслушал уверение в том, что требуемые суммы будут немедленно уплачены. На этом деловые переговоры закончились.

Тогда молодой человек пустил в ход всю свою любезность, перейдя с делового на дружеский тон, и это легко удалось ему. Он сказал, что будучи здесь еще совсем чужим, но, надеясь долго пробыть у дяди, хотел бы сориентироваться в этой местности. В Фельзенеке трудно найти случай завязать знакомство, поскольку там ведут чрезвычайно уединенный образ жизни, но советник юстиции несомненно знаком с соседними помещиками и, вероятно, по своей любезности не откажется сообщить некоторые сведения о них.

Фрейзинг действительно оказался любезным. К счастью, он не был столь молчалив, как старый дворецкий и не видел ничего дурного в том, чтобы дать молодому человеку, интересовавшемуся своим соседством, все необходимые сведения.

Пауль принялся сначала расспрашивать о помещиках, до которых ему не было решительно никакого дела, и терпеливо выслушивал ответы, казавшиеся ему очень скучными, пока наконец не дошел до того вопроса, который единственно только и интересовал его.

– Я заметил еще одно маленькое поместье, – продолжил он с напускным равнодушием. – Оно лежит приблизительно на расстоянии часа пути от Верденфельса и, если не ошибаюсь, принадлежит какой-то вдове.

– Вы говорите про Розенберг? – спросил адвокат. – В настоящее время им владеет госпожа фон Гертенштейн.

– Совершенно верно! Я случайно познакомился с этой дамой в Венеции; наше знакомство было довольно поверхностным, но все-таки, видимо, следует сделать ей визит в Розенберг. Вы с ней знакомы?

Адвокат с достоинством поднял голову.

– И даже очень близко знаком! Я имею честь быть поверенным в делах владелицы Розенберга. Вообще между нами существуют самые дружеские отношения, так как я знал ее еще до замужества.

Пауль, признав необыкновенную любезность адвоката, быстро придвинул свое кресло поближе к нему и спросил:

– Вы, значит, друг этой семьи? А госпожа Гертенштейн уже давно вдова?

– Приблизительно около года. Президент Гертенштейн скончался позапрошлым летом.

– Президент Гертенштейн? – с удивлением повторил Пауль. – Я припоминаю, что читал тогда в газетах извещение о его смерти, но... он, кажется, умер на семьдесят третьем году?

– Да, разница в годах между ним и его женой была весьма значительная. Ей едва минуло восемнадцать лет, когда она выходила за него замуж.

– За такого старика! Но, Боже мой, что могло принудить ее к такому браку?

Фрейзинг смущенно улыбнулся.

– Это нетрудно угадать. Молоденькая сирота незнатного происхождения, без всяких средств, живущая в постоянной зависимости, редко отказывается от подобной партии. Президент был дворянин, слыл богачом и занимал в обществе высокое положение. Он мог предложить своей супруге блестящую судьбу.

– Так! Значит, это был брак по расчету? – медленно произнес Пауль.

– По крайней мере брак по рассудку. Молодая дама – родственница верденфельского пастора, который и рекомендовал ее тогдашней владелице Розенберга, фрейлейн фон Гертенштейн. Этой старой, болезненной даме была предписана поездка в Италию, и она искала себе компаньонку на время своего пребывания там. По ее возвращении из Венеции, ее брат, президент, уже много лет перед тем овдовевший, приехал на несколько недель в имение сестры, познакомился там с красивой компаньонкой и был до такой степени очарован ею, что предложил ей свою руку. Последняя и была немедленно принята. Через три месяца в Розенберге состоялось их бракосочетание.

– И этот неравный брак оказался счастливым?

– Очень счастливым! Молодая женщина играла в столице блестящую роль, а ее супруг, необыкновенно гордившийся ею, с расточительной щедростью исполнял малейшее ее желание.

– От подобного брака она, разумеется, ничего иного, кроме блеска и роскоши, не могла и требовать! – сказал Пауль с легким оттенком горечи. – А после смерти своего мужа она снова живет в Италии?

– Нет, она вернулась в Розенберг и лишь недавно уезжала на некоторое время. Ее ожидают сюда послезавтра.

– В таком случае я немного отложу свой визит, – произнес молодой человек, поднимаясь с места. – Но я злоупотребляю вашим временем.

Фрейзинг улыбнулся.

– Пожалуйста, господин барон! Я сердечно рад лично познакомиться с членом семьи Верденфельс. Сегодня это случилось в первый раз, хотя я уже много лет состою поверенным и представителем этой семьи.

– Так и вы не имеете личных отношений с моим дядей? – спросил Пауль, думавший, что, по крайней мере, в этом случае было сделано исключение.

– Нет, я еще не имел чести видеть барона, хотя во всем, что касается его дел, он удостаивает меня своим безусловным доверием. Он получает от меня письменные доклады и точно так же присылает мне письменные указания. В этом отношении ваш дядюшка поступает несколько оригинально.

– Да, он очень своеобразен! – со вздохом согласился молодой человек. – Но что касается моих личных дел...

– Они будут немедленно приведены в порядок, положитесь в этом на меня, барон! Не позже, чем через две недели, я представлю вам все расписки.

Пауль поблагодарил и простился. Он получил страстно желаемые сведения и не хотел сознаться себе в том, что эти сведения привели его в смущение, которое он не мог побороть.

Восемнадцатилетняя девушка, красивая и привлекательная, добровольно отказывающаяся от лучшего и святейшего преимущества юности – любить, и отдающая руку старику лишь для того, чтобы пользоваться богатством! Пауль Верденфельс был легкомыслен и часто поддавался чужому влиянию, но в его груди билось горячее юношеское сердце, и за все богатства дяди он никогда не продал бы себя подобным образом. Он опять почувствовал, будто на него пахнуло холодом, как тогда на пароходе, когда красивая молодая женщина с ледяным равнодушием отнеслась к «юношеским мечтам». В его ушах опять зазвучали ее суровые слова: «Жизнь создана не для мечтаний. Надо смело смотреть ей прямо в глаза и полагаться только на самого себя».

Глава 4

Розенберг не принадлежал к крупным поместьям, это была маленькая дача, расположенная в очаровательной местности у подножия горы, одна из тех дач, какие охотно выбирают для летнего местопребывания. Правда, покойная владелица жила в нем из года в год, но после ее смерти дом долго оставался необитаем, под присмотром прежней компаньонки, которая, после выхода замуж теперешней госпожи Гертенштейн, заняла ее место и которую старушка не забыла в своем завещании. Президент и его супруга, жившие в резиденции, никогда не приезжали на полученную ими в наследство дачу, и, только овдовев, молодая женщина перебралась сюда.

Небольшой дом, стоявший среди обширного сада, не мог претендовать ни на особую красоту, ни на аристократический вид, но был уютен, удобен, поместителен и производил очень приятное впечатление своими белыми стенами и светлыми окнами.

В маленькой гостиной, сохранившей, как и все остальные комнаты дома, свою прежнюю, довольно старомодную, но удобную обстановку, хозяйка Розенберга слушала объяснения сидевшего напротив нее поверенного Фрейзинга. Перед ним были разложены бумаги, с содержанием которых он, по-видимому, знакомил молодую женщину. В некотором отдалении от них, у окна, стоял другой господин, в одежде пастора. Это был человек лет сорока, с резкими и выразительными чертами лица, отражавшего незаурядный ум и в то же время непреклонную суровость. Гладкие темные волосы обрамляли высокий лоб, на котором уже появились морщины, а темно-карие глаза обладали пронизательным взором, который привык читать в душе человека, как в открытой книге. Пастор не принимал участия в разговоре, но вся его поза ясно свидетельствовала, что он внимательно следит за происходящим и так же интересуется им, как и сами разговаривающие.

– Пока это дело можно считать поконченным, – сказал адвокат, собирая бумаги. – Я точно следовал вашим предписаниям и уплатил по всем счетам. Теперь остается только одна значительная сумма. Я очень жалею, что мне не удалось прийти к полюбовному соглашению с вашим кредитором, и вы пожелали взять это дело в свои руки. Но привело ли в ваше путешествие к желаемому результату?

– Да, – произнесла госпожа Гертенштейн, беря протянутые ей бумаги. – Я не застала своего кредитора дома и вынуждена была поехать за ним в Венецию; там при личных переговорах мне удалось добиться того, что не удавалось сделать письменно. Он согласился удовольствоваться пока закладной на Розенберг и дает мне отсрочку на год, а до тех пор, может быть, удастся продать Розенберг.

– Вы хотите продать Розенберг? – с удивлением спросил Фрейзинг. – Но ведь он не принадлежит к наследству, оставленному президентом, а составляет вашу личную собственность. Ведь покойная фрейлейн фон Гертенштейн по своему духовному завещанию оставила его лично вам, и никто не может заявлять на него права.

– Я это знаю, – возразила молодая женщина, – но считаю своим долгом отдать все, что имею, ради чести и доброго имени моего мужа. Я добровольно предложила кредитору Розенберг.

Фрейзинг неодобрительно покачал головой.

– Простите меня, но вы поступили необдуманно. Будучи уже давно вашим поверенным, я осмеливаюсь напомнить, что вами было уже принесено довольно жертв, гораздо больше, чем принесла бы всякая другая женщина на вашем месте. Пенсия, назначенная вам правительством, очень невелика, ее едва достанет на самое необходимое. Розенберг – ваше последнее прибежище и единственный источник дохода в будущем.

– Но этим я покрою последнее из долговых обязательств, я хочу освободиться от них во что бы то ни стало. Никакая жертва не кажется мне непосильной, чтобы сохранить наше имя незапятнанным.

Адвокат собирался возразить ей, но в этот момент в разговор вмешался священник.

– Моя кузина права, – сказал он тоном, не допускающим возражений. – Вступаясь за память своего мужа, она лишь исполняет свой долг. Нам приходится смотреть на это дело не с одной только деловой точки зрения.

– Ну, если против меня выступает сам пастор Вильмут, то мне остается только замолчать, – немного обиженно произнес Фрейзинг. – Все-таки я не отказываюсь от своего совета, имея в виду лишь ваше благо.

– Я в этом никогда и не сомневалась, – заметила молодая женщина, протягивая ему руку, – я всегда видела в вас верного и надежного друга.

Фрейзинг с рыцарской вежливостью поднес красивую руку к своим губам, и его сухие черты немного оживились. На тонких губах пастора при этом проявлении благоговейного уважения промелькнула не то насмешливая, не то презрительная улыбка; он отошел от окна и приблизился к собеседникам.

– Следовательно, весь вопрос теперь в том, чтобы продать Розенберг как можно выгоднее, – проговорил он, продолжая начатый разговор. – Мы рассчитываем на вашу помощь, а так как впереди у нас еще целый год, то можно надеяться, что продажа не представит особенных затруднений.

– Я сделаю все, что в моих силах, вы можете положиться на меня, ваше преподобие, – сказал адвокат, вставая и берясь за шляпу.

– Разве вы не останетесь обедать? – спросила госпожа Гертенштейн. – Я, по обыкновению, рассчитывала на это.

– На этот раз я попрошу вас извинить меня – есть неотложные дела, призывающие меня в город, – возразил Фрейзинг, которому было явно нелегко отказаться от приглашения.

Он, очевидно, намеревался еще раз поцеловать руку хозяйке, но его стеснял острый и насмешливый взгляд пастора, и он ограничился простым рукопожатием.

Госпожа Гертенштейн снова села и принялась перелистывать оставленные ей бумаги. Вильмут подошел к ней, взял одну из бумаг и, просмотрев ее, произнес:

– Да, действительно немаленькие суммы. Я не понимаю, Анна, каким образом тебе удалось уплатить по всем этим обязательствам?

– У меня было много драгоценностей, – спокойно ответила она, – а бриллианты всегда сохраняют свою ценность. Правда, я продала все драгоценности до последней, но по крайней мере этого оказалось достаточно.

– Да, президент осыпал тебя дорогими подарками и ради тебя сделал из своего дома храм роскоши. Он положил все к ногам своей обожаемой молодой жены, однако все это было куплено на чужие деньги, а ты спокойно принимала это.

В последних словах слышался суровый упрек, но молодая женщина стала защищаться с полнейшим хладнокровием:

– Я никогда в точности не знала имущественного положения своего мужа и, вступив в его дом совсем бедной, разумеется, не могла расспрашивать его о средствах. Он оставлял меня в убеждении, что очень богат и что наш образ жизни вполне соответствует его средствам. Я не подозревала, что то имущество, которое он унаследовал от сестры, составляло его единственное достояние; его, впрочем, все же хватило бы на покрытие всех долгов, но беда в том, что муж потерял эти деньги.

– Благодаря спекуляции! Разумеется, надо было как-нибудь добывать так безумно расточаемые деньги, и вот президент Гертенштейн опустился до роли спекулянта, игрока на бирже!

– Оставим прошлое, Грегор! – серьезно произнесла Анна Гертенштейн. – Я не хочу и не могу слушать обвинения против человека, от которого целых пять лет не видела ничего, кроме доброты; если он и был иногда слаб, то исключительно ради меня.

– Может быть, ради самого себя, – поправил ее пастор, – чтобы удовлетворить собственному тщеславию. Его красивая жена должна была везде быть первой, самой почетной, ему всегда казалось мало того восхищения, которое она возбуждала. Природа наградила тебя опасным даром, Анна, – красотой, которая заставляет всех поклоняться тебе. До сих пор она приносила только несчастье, счастливым же не сделала никого.

– Гертенштейн был счастлив, – с ударением произнесла Анна, – а я, по крайней мере, старалась казаться счастливой.

– Да, вы были образцовой парой: президент не мог достаточно нахвалиться своим счастьем, а тобой все восхищались за твою преданность старику. Может быть, свет не был бы так щедр на похвалы, если бы знал, что именно заставило тебя броситься в объятия старика.

– Не хочешь ли ты поставить мне это в упрек? – В голосе молодой женщины слышался легкий оттенок горечи. – Ты сам ведь советовал мне принять это предложение, положившее конец моим колебаниям.

Пастор посмотрел на нее со странной смесью мрачной печали и холодного, гордого удовлетворения.

– Да, я сделал это, потому что дело шло о том, чтобы освободить тебя от еще худших уз. Ты считала себя сильной, но на самом деле такой не была, и тогда я посоветовал тебе поставить долг между собой и своим прошлым. Я знал, что ты честно отнесешься к этому долгу.

Анна молчала, опершись головой о руку, а Вильмут продолжал:

– Я считал тебя в безопасности рядом с человеком, который по своему возрасту должен был считать своей обязанностью вести спокойную и уединенную жизнь. Вместо того он вместе с тобой погрузился в водоворот светской жизни, со всеми ее искушениями, и гордился твоим триумфом в обществе. Да и ты сама не оставалась равнодушной к нему. Или тебе действительно легко сойти с прежней высоты и примириться с ограниченными средствами?

– Нет, потому что спуститься с прежней высоты всегда немного унижительно, но я сумею без ропота подчиниться неизбежному.

– Я так и думал. Вам, светским людям, блеск и роскошь кажутся жизненной потребностью, с которой трудно расстаться. Составила ли ты какой-нибудь, план относительно будущего? Что ты будешь делать, когда Розенберг будет продан? Надеюсь, ты предоставишь мне подыскать для тебя подходящее местопребывание.

– Благодарю тебя за предложение, – холодно ответила молодая женщина, – но лучше будет, если я сама позабочусь об этом. По данному вопросу у нас легко могут оказаться различные мнения, а ведь ты всегда требуешь безусловного подчинения твоей воле. Я помню это еще с того времени, когда жила в твоём доме.

– Ну, ты-то никогда не знала такого подчинения, – резко ответил пастор. – В тебе всегда был силен дух противоречия, который я не мог сломить, несмотря на всю свою строгость, а то, что мне не удалось с Анной Вильмут, я вряд ли добьюсь от госпожи президентши Гертенштейн. Ты приобрела большую самостоятельность возле мужа, который был только покорным исполнителем твоих желаний. Совершенно безразлично, где именно ты поселишься в будущем, но ты должна устроиться так, чтобы избегать нежелательных встреч, на которые можешь натолкнуться здесь, в Розенберге. Близкое соседство того...

– Грегор!..

В этом восклицании в одно и то же время прозвучали и гнев и страх.

Вильмут остановился, но между бровями у него залегла мрачная складка.

– Ну? – спросил он после некоторого молчания.

– Ведь ты тогда же обещал мне, что между нами никогда не будет речи об этом... Не забывай же своего обещания!

Пастор не сводил пристального взора с прекрасного, сильно побледневшего лица, взора, проникающего до самой глубины души.

– Ты еще не справились с этим? – медленно произнес он наконец. – Все еще нет?

Глубокий вздох вырвался из груди молодой женщины.

– Ты же знаешь, что с этим покончено! Я подчинилась твоей воле и думаю, что ты можешь быть доволен мною.

– Моей воле? Как будто ты когда-либо подчинялась чьей бы то ни было воле! Ты подчинилась только той беспощадной истине, которую я тебе открыл. Больше я ничего не сделал, я только открыл тебе глаза, а ты даже не поблагодарила спасшего тебя врача, ты предпочла бы остаться слепой.

– Ошибаешься, – беззвучно проговорила Анна, – я благодарна тебе за это – даже и теперь.

Вильмут собирался что-то ответить, как вдруг дверь быстро распахнулась, и в комнату влетела молоденькая девушка в пальто и шляпе; ее длинные косы не были подколоты, а свободно спускались вдоль спины, и совсем еще детское личико сияло радостью и задором.

– Вот и я опять! – звонко крикнула она. – Какая это была веселая поездка! Мы доехали почти до самого заколдованного Фельзенека и чуть-чуть... – Она вдруг остановилась, заметив пастора, и продолжала сразу изменившимся, тихим голосом: – Ах, ты здесь, кузен Грегор! Я вам помешала?

– Да, Лили, ты мешаешь! – холодно ответил он. – Вообще нельзя вбегать в комнату таким сорванцом. Когда же наконец ты выучишься вести себя, как подобает взрослой девушке?

Лили поспешно уселась рядом с сестрой, дерзко, хотя и немного испуганно поглядывая на строгого двоюродного брата. Но страх, по-видимому, все-таки взял верх, потому что она не решилась ему возражать. Вместо нее заговорила Анна:

– Лили всего шестнадцать лет. Предоставь ей еще по-детски радоваться и шалить! Она всегда успеет познакомиться с серьезной стороной жизни.

– Ты балуешь сестру, – укоризненно проговорил Вильмут. – Вместо того чтобы подготовить ее к этой серьезной стороне жизни, ты позволяешь ей по целым дням ребячиться. Тебе следовало бы оставить ее под моим присмотром, это было бы ей весьма полезно.

При последних словах молодая девушка вздрогнула и с таким страхом взглянула на сестру, что та обняла ее, как бы желая защитить, и сказала, обращаясь к кузену:

– Нет, Грегор, я не расстанусь со своей маленькой Лили, как бы ни изменились обстоятельства.

Пастор пожал плечами.

– Рано или поздно ты должна будешь сделать это, особенно если на Розенберг не найдется очень выгодного покупателя. Но мне пора идти. Прощай, Анна!

Пастор протянул сестре руку и вышел, не удостоив Лили даже легкого поклона.

Девушка, по-видимому, была очень рада, что избавилась от его дальнейших наблюдений. Она при последних словах пастора начала снимать пальто и шляпу. Но едва только затворилась дверь за наводящим на нее страх человеком, как шляпа полетела на диван, а на личике Лили появилось жесткое выражение.

– Если бы я только знала, что Грегор здесь, я ни за что не вошла бы, – заявила она. – Когда я вижу, что он направляется в Розенберг, мне всегда хочется убежать на самый верх Гейстершпица, чтобы только не встретиться с ним.

– Лили! – с упреком в голосе остановила ее старшая сестра.

Однако в своем гневном возбуждении Лили ничего не хотела слушать и продолжала с прежней горячностью:

– А ты разве любишь его? Ты боишься его, как боятся решительно все, а между тем ты – единственный человек, которому он разрешает иметь свою волю и свое мнение. Он весь Верденфельс держит в ежовых рукавицах. Никто из крестьян не решается ничего предпринять без его совета, что бы он ни приказал, все слепо повинуются ему. Если бы ты действительно захотела снова отдать меня под его надзор... ух, при одной мысли об этом меня охватывает дрожь!

– Какой ты глупый, неблагодарный ребенок! – упрекнула ее молодая женщина. – Разве ты забыла, что сделал для нас Грегор, когда мы осиротели и у нас никого не осталось на свете, кроме него? В то время его доходы были крайне ограничены, и ему приходилось содержать свою мать, но все-таки он без малейшего колебания принял нас к себе и стал заботиться о нас. Ты, конечно, не могла тогда понять этого: тебе едва минуло шесть лет.

– Только потому я и могла выносить такую жизнь, – объявила Лили. – Я была тогда еще слишком мала и незначительна, чтобы ему захотелось удостоить меня своим личным надзором. Он вполне предоставил меня тете, а когда она умерла и я стала объектом его воспитания, тогда ты, да мое счастье, вышла замуж и поместила меня в институт. Но ты с самого начала пользовалась особенным попечением Грегора. Я совершенно не могу понять, как ты все это выдержала. Я решительно не была бы в состоянии вынести подобную пытку.

– Да, тебя раздавила бы эта железная рука, – серьезно сказала Анна. – Я из более прочного материала, и подобное обращение со мной, имело, должно быть, и свою хорошую сторону: оно научило меня серьезно относиться к жизни.

– Ты тоже умеешь иногда быть суровой – этому ты научилась у Грегора. Но всего суровее ты всегда относишься к самой себе.

– А к тебе?

– Нет, Анна! Я вовсе не то хотела сказать! – воскликнула молодая девушка, обвивая руками шею сестры, которая нежно прижала ее к себе.

Обе сестры очень походили друг на друга, и тем не менее резко отличались одна от другой. Маленькая миловидная Лили была лишь по плечо своей высокой сестре; ее мягкие каштановые волосы были так же густы и такого же цвета, как волосы сестры, но им недоставало прелестного золотистого оттенка волос Анны, точно так же, как ее глаза не имели того красивого разреза, который придавал глазам Анны особую привлекательность. Карие глазки Лили плутовски и по-детски весело смотрели на Божий мир, и на ее юном личике нельзя было прочесть ни энергии, ни силы воли. Старшая сестра была красавицей, и победоносная сила ее красоты сказывалась во всем, младшая была свеженькой, привлекательной девочкой. Они походили друг на друга, как лилия походит на жасмин.

– На что намекал Грегор, говоря о продаже Розенберга? – снова заговорила Лили. – Разве ты собираешься продать его? Я думала, что мы вместе будем жить здесь.

– Мне самой хотелось бы этого, но это невозможно: Розенберг требует крупных хозяйственных затрат, а нам необходимо устроиться скромнее.

– Разве ты не богата? – с наивным удивлением спросила молодая девушка. – Ведь ты так роскошно жила в столице!

– Но я овдовела, – уклончиво ответила Анна. – Большие доходы Гертенштейна прекратились с его смертью, и хотя нам нечего бояться бедности, но все-таки в будущем мы должны во многом изменить свой образ жизни.

К этому заявлению Лили отнеслась вполне равнодушно. Для нее богатство и бедность были пока лишь пустыми словами, настоящего значения которых она не могла понять. О ней всегда заботились, и если жизнь сестры, которую она изредка навещала в резиденции, и казалась ей прекрасной, волшебной сказкой, то безусловная свобода, какой она пользовалась в Розенберге, нравилась ей еще больше. Перемена местопребывания обещала ей новые развле-

чения, она была еще в том возрасте, когда всякая перемена приветствуется с искренней радостью.

– Мне решительно все равно, куда ехать, лишь бы не к кузену Грегору, – беспечно сказала она. – Но когда же наконец ты снимешь этот глубокий траур, Анна? Тебе только двадцать четыре года, не можешь же ты постоянно ходить в крепе только потому, что ты вдова! Летом уже исполнится год со дня смерти твоего мужа. Нельзя же вечно оплакивать его. Да и он был уже так стар: ему было семьдесят три года!

– Оплакивают, обыкновенно не возраст, а потерю. Разве ты думаешь, что я не любила Гертенштейна?

– О, да, – сказала девушка. – Ведь и дедушек любят, и мне кажется, что твоя любовь к нему была именно такой. Мне, по крайней мере, президент всегда напоминал дедушку, да и тебе, вероятно, тоже, иначе ты не плакала бы так отчаянно в день своей свадьбы.

– В день моей свадьбы? – смущенно спросила молодая женщина. – Ты ошибаешься, Лили.

– О, я говорю не про церковь, там ты была спокойна и холодна, как мраморная статуя. Это было раньше, когда ты думала, что ты одна в комнате. Президент послал меня рано утром в твою комнату отнести великолепный букет, который он для тебя выписал из столицы. Я очень гордилась этим поручением и тихонько вошла в комнату, чтобы застать тебя врасплох за одеванием. Но когда я открыла дверь, то увидела, что белое атласное платье лежит на кресле, рядом с кружевной вуалью и бриллиантами, а ты стоишь на коленях, прижавшись головой к диванной подушке, и плачешь так горько, как будто сердце у тебя разрывается. Я окликнула тебя, тогда ты быстро встала с колен, вытерла слезы и запретила мне говорить об этом.

Тогда я была очень молода и глупа, но все-таки понимала, что тот, кто выходит замуж по любви, не станет так безумно плакать. Я отлично знаю, что Грегор принудил тебя решиться на этот шаг, а потом, вероятно, сам жалел об этом, потому что был бледен, как мертвец, когда венчал вас, и я прекрасно видела, как дрожала его рука, когда он благословлял тебя.

Молодая девушка так и сыпала воспоминаниями о событиях, которые некогда восприняла с острой наблюдательностью ребенка и отчетливо сохранила в своей памяти. И, возможно, она еще не скоро кончила бы, если бы Анна решительно не остановила ее.

– Ты, Лили, лучше молчала бы о том, о чем еще не в состоянии судить. Ты была тогда еще десятилетним ребенком и создала себе чисто ребяческие представления о том, чего и не было. Грегор ни к чему не принуждал меня, да меня и нельзя ни к чему принудить. Он лишь посоветовал мне сделать то, на что я уже раньше сама решилась. Я добровольно отдала руку Гертенштейну, и ни одной минуты не раскаивалась в этом. Раз и навсегда запрещаю тебе подобные глупые рассуждения.

Эти слова были произнесены строгим, почти суровым тоном, и Лили, совершенно не привыкшая к такой строгости со стороны старшей сестры, уже собиралась обиженно заплакать. Однако в этот момент дверь снова отворилась, и в комнату вошла дама лет тридцати с небольшим. Хотя она не могла претендовать на красоту, но казалась очень симпатичной – маленькая, полная, с темными волосами и живыми глазами. С приветливым поклоном она подошла к разговаривавшим сестрам и сказала:

– Мы вернулись позже, чем следовало, но Лили вероятно уже покаялась вам, что в этом виновата одна она.

– Нет, я еще ничего не слышала об этом, – отозвалась Анна, между тем как ее сестра отвернулась, – слегка надув губы. – Я просто думала, фрейлейн Гофер, что вы пробыли у своих родителей больше времени, чем предполагали.

Фрейлейн Гофер, бывшая компаньонка покойной госпожи Гертенштейн, покачала головой.

– Нет, мы вовремя выехали из лесничества, но фрейлейн Лили не давала мне покоя, пока мы не отослали экипаж и не пошли пешком по лесной тропинке, выходящей у Фельзенека на горную дорогу; а на такой обход надо не меньше часа.

– Ах, мне так хотелось хоть один раз взглянуть на проклятый замок! – воскликнула Лили, при слове «Фельзенец» совершенно позабыв дуться. – За те четыре недели, что я живу здесь, я так много слышала о нем, и если уже никто не смеет пробраться туда, то я должна была по крайней мере увидеть его. Это – настоящий волшебный замок, сказочно великолепный и могучий, но вокруг него царит мертвая тишина, как будто вся жизнь там вымерла. Да и не мудрено – ведь в замке живет заколдованное чудовище, готовое свернуть шею всякому, кто ненароком заберется туда.

– Нет, Лили, это преувеличение, – торжественно проговорила фрау Гофер. – Что бы там ни делал барон фон Верденфельс, но шеи он еще никому не свернул.

– Неужели? – с видимым разочарованием спросила Лили. – А я уже совсем было приготовилась к этому, если бы нам пришлось с ним встретиться. Я каждую минуту ожидала, что из мрачных ворот замка появится нечто ужасное, но к моему величайшему удивлению в них показался красивый молодой человек с ружьем и ягдташом, очень вежливо поклонившийся нам. Как мог он попасть туда? Я думала, что Фельзенец населен исключительно одними чудовищами, потому что его хозяин и душой, и телом предался нечистому.

– Лили, да не шутите же так безбожно! – воскликнула Гофер, осеняя себя крестным знаменем. – Вы даже не подозреваете, какие мрачные и темные тайны хранит в своих стенах Фельзенец! Если бы вы только знали!..

Она приняла таинственный вид, а Лили уже приготовилась слушать, однако, к ее величайшему огорчению, сестра прервала эти интересные разоблачения. Молодая женщина, по-видимому, не особенно интересовалась их разговором. Она подошла к балконной двери, посмотрела в сад и, не оборачиваясь, проговорила:

– Не расстраивайте воображения Лили такими рассказами. Да ведь и нельзя верить в подобные сказки!

– Сказки! – обиженно повторила фрейлейн Гофер. – Уж я-то хорошо знаю, что это не сказки. Мой отец долго был лесничим в Верденфельсе, прежде чем получил место заведующего горными лесами в Фельзенеке. Он и привез туда молодого барона полумертвым с Гейстершпица... Вы ведь знаете эту вершину, Лили?

– Да, там наверху сидит Дева льдов, – засмеялась Лили. – Это я слышала еще ребенком, когда мы жили у кузена Грегора. Мне так хотелось увидеть это «снежное величество», но Дева ни разу не сооблаговостила спуститься к нам.

– Да сохранит вас от этого Господь! – воскликнула почтенная дама. – Разве вы не знаете здешнего поверья: когда Дева льдов спускается в долину, она приносит с собой гибель!

– Это поверье имеет основание, – сказал Анна своим обычным холодным тоном. – С Гейстершпица осенью дуют метели и скатываются лавины. Ваша Дева льдов уже причинила немало бед в долине. Народ в этом сказании воплотил в ней стихийные силы, но люди образованные должны быть свободны от подобных суеверий.

С этими словами она открыла стеклянную дверь на балкон и вышла.

Фрейлейн Гофер с видимым раздражением посмотрела ей вслед и заметила:

– Госпожа фон Гертенштейн отличается свободомыслием. Разумеется, в столице люди просвещенные и потому смеются над тем, чего нельзя постичь рассудком. Вы, Лили, вероятно, тоже научились этому в институте?

– Ах, я очень люблю слушать рассказы о привидениях! – воскликнула Лили. – Пожалуйста, пожалуйста, фрейлейн Эмма, расскажите мне что-нибудь! Что говорят про Верденфельс и про Тейстершпиц? Я всюду слышу какие-то темные намеки и стораю от нетерпения узнать об этом подробнее. Пожалуйста, расскажите мне!

Фрейлейн не заставила себя слишком долго просить, она вообще говорила очень охотно. Сначала, поглядывая на открытую балконную дверь, она понизила голос до шепота, но через несколько минут, забыв всякую осторожность, заговорила громко:

– Много лет тому назад... – начала она.

– Как интересно! – перебила ее Лили. – Так всегда начинаются все самые интересные истории! Итак, много лет тому назад... несколько столетий тому назад? Неправда ли?

– Ну, не так давно, – сказала Гофер, немного выбитая этим вопросом из колеи. – Будущей весной минет двадцать лет, как выгорела деревня Верденфельс, и как после пожара молодой барон пропал.

Лили уселась рядом с рассказчицей и не отрывала глаз от ее лица. Уж ее-то нельзя было упрекнуть в том, что она внимала исключительно голосу здравого рассудка: она, как ребенок, наивно верила рассказам о привидениях.

– Его не могли найти нигде в замке, – продолжала Эмма. – Начались розыски. Наконец узнали, что он уехал верхом в горы; когда же прошел вечер, потом ночь, а он все еще не возвращался, стали опасаться какого-нибудь несчастья. Старый барон, до тех пор не выказывавший особенной нежности к сыну и обращавшийся с ним, напротив, довольно строго, на сей раз вышел из себя и явно опасался самого худшего. Во все стороны были разосланы гонцы, а когда все они вернулись ни с чем, то мой отец со своим егерем взяли розыски на себя.

Они скоро напали на настоящий след, найдя лошадь молодого барона на поляне, у подошвы Гейстершпица; она была без седока и от истощения едва стояла на ногах. Барон Раймонд, как впоследствии выяснилось, поднялся на гору, но при наступившей темноте, вероятно, заблудился там и добрался до ледника Гейстершпица. Там его и нашли, лежавшего без сознания, окоченевшего и почти без признаков жизни. Сперва думали, что ему уже не очнуться, но он отделался только тяжелой болезнью. С тех пор на нем лежит заклятие.

– Заклятие? – повторила Лили, которую это слово особенно поразило потому, что она совершенно не понимала его. – Это что-нибудь ужасное?

– Нечто страшное, – подтвердила Эмма. – Дева льдов там, наверху, поцеловала его, а кто хоть миг покоился в ее ледяных объятиях, в том навсегда замирают все чувства. С того самого часа молодой барон неузнаваем. Я раньше часто видала его и разговаривала с ним, когда он приезжал в лесничество. Он всегда отличался серьезным и немного мечтательным характером, но, как и другие, умел смеяться и быть веселым, а отцовской надменности в нем и следа не было. Однако после болезни все изменилось. Он не смотрел ни на кого, ни с кем не говорил и походил на выходца с того света. Да это почти так и было: ведь Дева льдов не возвращает к жизни тех, кто хоть раз соприкоснулся с нею.

Лили слушала, широко раскрыв глаза. Очевидно, рассказ был совсем в ее вкусе.

– Потому-то барон и поселился наверху, в Фельзенеке? – сказала она. – Там он совсем близко от Гейстершпица. Крестьяне думают, что он занимается там колдовством. Правда ли, что это он поджег тогда Верденфельс?

– Лили, замолчите, ради Бога! Таких вещей громко не говорят!

– А потихоньку об этом говорит весь свет. Мне рассказал это наш садовник, старик Игнатий. Он божится и клянется, что это правда. А вы что-нибудь знаете об этом?

– Нет, об этом вообще никто не знает ничего определенного. Верно лишь то, что после пожара барон Раймонд буквально бежал из Верденфельса, а когда позже приезжал туда, то почти не покидал замка. Что касается его отца, то тот на эти слухи обращал так же мало внимания, как и на ненависть к нему крестьян. Он по-прежнему с надменным видом проходил и проезжал по деревне, но сын никогда больше не бывал там. Позднее, когда он сам сделался владельцем этих поместий, он старался улучшить свои отношения с народом и делал для крестьян все, что только мог. Но они боялись его и его благодеяний, а теперь он уже много лет словно замуравался в своем Фельзенеке.

– Но там все же есть люди, – возразила Лили, которая до сих пор сомневалась в этом факте. – Кто тот молодой охотник, которого мы встретили сегодня?

– Вероятно, Пауль фон Верденфельс, племянник барона. Он, кажется, гостит там.

– Воображаю, как ему весело у страшного дяди! Только бы с ним ничего не случилось! Он такой приветливый и так низко поклонился мне, как настоящей взрослой даме. Фрейзинг только кивает мне головой, как ребенку, а Грегор всего охотнее погрозил бы мне розгой... Но почему Анна так долго остается на балконе?

С этими словами молодая девушка вскочила и выбежала из комнаты.

Анна действительно продолжала стоять на балконе, хотя было довольно холодно. Она смотрела на горы, откуда дул резкий ветер, и бессознательно ощипывала правой рукой наполовину облетевший розовый куст, росший у решетки.

– Здесь рискуешь быть унесенной вихрем! – воскликнула Лили, напрасно пытаясь защититься от ветра. – Неужели тебе не холодно, Анна? Ты даже шарфа не накинула на себя!

Как бы в подтверждение этих слов Анна вздрогнула и обернулась.

– Да, холодно. Пойдем лучше в комнаты.

Она медленно отвела руку, которой в тот момент судорожно ухватилась за розовый куст, и на белой коже выступило несколько капель крови.

– Боже мой, ты укололась о шипы, – закричала Лили, – даже кровь идет! Тебе больно?

Молодая женщина взглянула на свою руку, с которой упало несколько темно-красных капель.

– Не знаю. Я ничего не почувствовала.

– Не почувствовала? – повторила Лили, которой было непонятно, как можно уколоться о шипы, не закричав от боли.

– Нет! Но то, что сейчас рассказывала тебе фрейлейн Гофер, – не что иное, как смесь суеверия с детскими сказками, которую не следует принимать за правду. Если она опять станет забавлять тебя подобными рассказами, то я не буду больше оставлять вас вдвоем. И еще одно, Лили: ты никогда больше не подойдешь к Фельзенеку. Слышишь? Никогда больше!

– Но почему? – с удивлением спросила Лили, немного испуганная непривычным для нее тоном сестры.

– Я этого не хочу! Для тебя этого должно быть достаточно. И в этом отношении я требую безусловного послушания, не забывай!

Она прошла мимо сестры и вернулась в комнаты.

Лили была права: ее сестра умела быть суровой, очень суровой, и сейчас она была резка даже по отношению к своей любимице. Воспитание пастора Вильмута принесло свои плоды. В эту минуту его ученица была так же безжалостна и холодна, как и он сам.

Глава 5

Пауль Верденфельс провел уже целую неделю в Фельзенеке и, к своему величайшему изумлению, ни разу не испытал скуки. Его личной свободы никто не ограничивал: экипажи и лошади всегда были к его услугам, и никто никогда не спрашивал его, куда он идет. Кроме того, он был страстным охотником, а горные леса изобиловали дичью.

Все это помогало молодому человеку переносить одиночество, на которое он был осужден, так как своего дяди он почти не видал. На его половину Пауль являлся лишь тогда, когда за ним присылали, чего не случалось по целым дням, и эти посещения всегда были очень непродолжительны, а Раймонд по-прежнему относился к племяннику холодно-равнодушно. Он дал ему полнейшую свободу, предоставил пользоваться всеми удобствами и всеми удовольствиями, какими располагал его замок, но ни разу не выразил по отношению к нему никакого интереса или участия, и не было ни малейшей возможности сойтись с ним хоть немного ближе, чем при первой встрече.

Пауль, впрочем, всегда находил себе занятия, из которых главнейшее состояло в том, что он любовался видом из окна своей комнаты, изо дня в день отыскивая при помощи подзорной трубы все одну и ту же точку. Это приводило в отчаяние Арнольда, который никак не мог понять, чего именно так упорно ищет его молодой господин. Хотя он имел теперь полнейшее основание быть довольным серьезностью Пауля, но все еще не забыл своего подозрения относительно одного предмета «помоложе шестидесяти лет». Несмотря на все ухищрения, ему ничего не удавалось узнать, и это совершенно необычное умалчивание привело его к убеждению, что на сей раз «дело серьезное».

Молодой человек справился с минутным отчаянием, которое было вызвано в нем сообщением адвоката. Он искал и нашел тысячу объяснений и извинений «браку по рассудку». Уговоры старушки, желавшей устроить счастье своего брата, убеждение, а, может быть, и принуждение со стороны родственника-священника, который наверно желал блестящей партии для своей питомицы. В конце концов совершенно естественно, что сирота, тяготившаяся своей зависимостью, уступила убеждениям окружающих, чтобы навсегда освободиться от своего стесненного положения.

Теперь Пауль жалел женщину, которую в первую минуту осудил, и именно вследствие такого странного брака еще более заинтересовался ею. Да и может ли юношеская страсть поколебаться под влиянием подобных доводов? А это действительно была первая серьезная любовь Пауля. Все его прежние увлечения были пустяками, которым он сам не придавал большого значения и которые так же легко проходили, как и завязывались. Теперь в первый раз он чувствовал себя глубоко увлеченным, хотя видел Анну Гертенштейн и разговаривал с ней всего три раза, и, чем меньше придавала она значения его ухаживанию, чем больше ставила преград для свиданий, тем нетерпеливее искал он встречи с ней.

Пауль прекрасно сознавал, что в данном случае ухаживание должно было повести к браку, но твердо решил во что бы то ни стало добиться расположения красивой вдовы. Для этого, разумеется, необходимо было согласие барона Раймонда, от которого он вполне зависел, но Пауль и в этом случае рассчитывал на великодушные дяди, которому при его богатстве ничего не могло быть легче, как обеспечить будущность своего родственника и единственного наследника. Самым трудным было сделать предложение, и молодой человек с нетерпением считал часы и дни до того срока, когда приличия позволят ему нанести визит в Розенберг для возобновления знакомства.

Наконец прошла неделя, и на следующий же день он отправился в Розенберг, находившийся от Фельзенека на таком же расстоянии, как и Верденфельс, приблизительно в двух часах езды. Но судьба, по-видимому, зло смеялась над страстным нетерпением молодого человека:

госпожи Гертенштейн не было дома, и ее ждали только к вечеру. Старый садовник, отворивший Паулю ворота и сообщивший ему это известие, подумал, что его привело сюда какое-нибудь важное дело, – такое тот сделал отчаянное лицо; поэтому, желая утешить его, старик прибавил, что госпожа в Верденфельсе, у своего родственника, пастора.

Пауль поблагодарил его и тотчас отправился в Верденфельс. Хотя он и говорил себе, что неприлично отыскивать в чужом доме женщину, с которой едва знаком, но кто мог помешать ему объяснить эту встречу случайностью? Чтобы придать всему делу более правдоподобный вид, стоило лишь заехать на короткое время в замок. Что могло быть естественнее его желания посетить родовое гнездо? Точно так же естественно было и то, что на обратном пути через деревню он вздумал завернуть к приходскому священнику: ведь его дядя, как попечитель и так далее, имел отношение к верденфельскому приходу. Однако племянник попечителя немного побаивался снова встретить строгий вопрошающий взгляд своей прекрасной спутницы, и как ни сильно было в нем желание видеть ее, он ни за что в мире не хотел показаться ей навязчивым.

Через полчаса быстрой езды Пауль был в Верденфельсе, и управляющий, которому он назвал себя, поспешил показать ему замок и сады. Пауль и здесь нашел то же безжизненное величие, что и в Фельзенеке, и тут тщательно поддерживаемая роскошь никого не радовала, никому не приносила пользы. Только сам Верденфельс был светлее, приветливее и уютнее Фельзенека. Это чисто княжеское имение могло составить гордость любого владельца, между тем как его хозяин почти никогда не бывал в нем. При других обстоятельствах Пауль наверно проявил бы гораздо больше интереса к тому месту, по которому его род получил свое имя, но сейчас он был рассеян и видимо торопился. Однако он не мог подавить восклицание восторга, когда управляющий провел его на большую террасу.

Замок был расположен на высоком холме, у подошвы которого с одной стороны лежала большая деревня, а с другой простирались сады, окружавшие замок большим цветущим венком, даже теперь, несмотря на позднюю осень, сохранившим часть своего пестрого наряда. Мимо деревни и садов протекал широкий и шумный горный поток, бравший начало в горах над Фельзенеком. Здесь он несся не так бурно и шумно, как в узкой долине, но и тут, видимо, мог иногда быть опасен, и потому весь парк с его стороны был огражден камнями и земляными валами. Эти валы были тщательно засажены кустарником и живыми изгородями, придававшими парку живописный вид.

– Какая прелесть! – воскликнул Пауль, переводя взгляд с роскошного далекого ландшафта на зеленые лужайки и красивые группы деревьев парка. – Таких садов не найдешь и при княжеских замках.

– Да, сады Верденфельса славятся во всей округе, – с гордостью подтвердил управляющий. – Деду нашего барона они стоили огромных денег. Покойный барон не особенно дорожил подобными вещами, но и он очень гордился этим украшением замка и тщательно следил за тем, чтобы сады сохраняли прежний вид. Да их и теперь поддерживают, но... – он внезапно оборвал свою речь и грустно добавил: – Сегодня мы видим первого из наших господ, этого не случилось уже много лет.

Пауль пожал плечами.

– Дядя не любит Верденфельса и предпочитает жить в Фельзенеке. Но на поддержание этих парков, должно быть, ежегодно идут огромные суммы?

– Да, они стоят дорого, – подтвердил управляющий. – Немного у нас помещиков, которые могли бы позволить себе такие траты, но наш господин, конечно, может. Посмотрите-ка, господин барон, – он описал рукой большой полукруг, – все это принадлежит к Верденфельсу, а там, за лесами, лежат еще другие поместья нашего барона; большие горные леса вокруг Фельзенека также составляют его собственность.

Молодой человек взглянул по указанному направлению. Да, это были колоссальные владения, и они находились в руках человека, нисколько не интересовавшегося ими и проводившего год за годом в своем уединении. При этой мысли Пауль невольно вздохнул и спросил, чтобы переменить разговор:

– Что за странные зеленые стены ограждают с той стороны парк? Отсюда кажется, будто он в том месте отделен крепостным валом.

– Это все из-за реки, – ответил управляющий. – Она бывает иногда очень бурной и в былое время аккуратно каждую весну и каждую осень наносила парку большой ущерб. А если бы вода не на шутку выступила из берегов, то это повредило бы не одному только парку. Все верденфельские владения лежат в долине, и все они погибли бы. Поэтому покойный барон приказал построить предохранительные валы; там положены камень на камень, а земля и живая изгородь скрепили их, словно льдом сковали. Такое ограждение не может снести никакой горный поток, как бы он ни бушевал.

– Но ведь деревня лежит с той же самой стороны, а там я не вижу никаких ограждений.

– Для крестьян это было бы слишком дорого, – ответил управляющий, пожимая плечами. – Приход не богат. Людям стоит огромного труда приобрести и самое необходимое, а такая постройка требует многих тысяч. Люди надеются на авось да на Божью милость. Но все эти годы ничего не случилось... Не хотите ли вы пройтись по парку, господин барон?

– Нет, благодарю, – рассеянно ответил Пауль, – у меня сегодня мало времени, а хочется еще побывать в деревне. Как проехать туда самым кратким путем?

Управляющий видимо удивился, что молодой барон собирается в деревню, но с готовностью сообщил требуемые сведения.

Пауль пошел по указанной дороге, которая вела вниз к замковой горе, но извилистая тропинка показалась ему слишком длинной, и он отправился прямо по откосу, покрытому дерном и кустарником, пока не дошел до крутого обрыва, по которому было довольно трудно спускаться.

Внезапно, прямо под его ногами раздались звуки народной песни, которую часто пели в той местности. Пел молодой, свежий голос, звучавший с такой заманчивой прелестью, что Пауль невольно остановился и стал прислушиваться. Чтобы увидеть, кому же принадлежит этот прелестный голос, Пауль перегнулся и заглянул вниз. Сквозь облетевший под дыханием осени кустарник он увидел маленькую розовую руку, энергично обрывавшую орехи с кустов, растущих у подножия замкового холма. Потом показались длинные каштановые косы, отклоняющиеся то вправо, то влево при каждом движении их обладательницы; затем из ветвей выступили очертания хорошенькой головки, но так как пока не было еще возможности ничего больше различить, то Пауль, любопытство которого уже было возбуждено, подошел к самому обрыву, осторожно раздвигая руками ветки, мешавшие ему видеть. В эту минуту земля под его ногами подалась, всякая опора под ним исчезла, и он полетел вниз, ломая кусты и поднимая целые столбы пыли.

Громкий крик ужаса раздался при его падении. Молодая певица быстро отскочила в сторону, со страхом глядя на этого невольного акробата. Ее носовой платок упал на землю, и сложенные в него орехи раскатились во все стороны.

– Боже мой! Что это? – закричала она.

– Поклонник вашего пения, фрейлейн, – ответил Пауль, делая судорожные, но тщетные попытки выбраться из орешника. – Я не мог противиться желанию... Ах, проклятый орешник! Простите, что я оказался у ваших ног таким необычным путем. Ох, уж этот мне несчастный обрыв!..

Он не без основания проклинал обрыв, пославший ему вслед еще огромный ком земли, снова осыпавший его целым градом песка и мелких камней. У него был до такой степени комичный вид, что молодая девушка разразилась громким смехом.

Пауль не мог дольше выносить такое унижительное положение. Он принялся яростно ломать направо и налево ветки орешника, и тот наконец выпустил его из своих объятий. Тогда Верденфельс вскочил на ноги, отряхнул с себя землю и заговорил, приближаясь к девушке:

– Простите меня, что я выразил свой восторг таким несдержанным образом! Но вы сами в этом виноваты. Ваше пение неудержимо влекло меня, и я... потерял равновесие.

Произнося эти слова, он быстрым взглядом окинул всю фигуру молодой девушки. Ее черты напоминали ему кого-то, но у него не было времени задуматься над этим, так как молодая девушка грустно смотрела на рассыпавшиеся орехи, видимо, решая вопрос – поднимать их или нет.

– Я не в первый раз имею удовольствие встречаться с вами, – сказал Пауль и, наклонившись, стал подбирать орехи. – Несколько дней тому назад в Фельзенеке...

– Да, вы шли из замка, когда мы проходили мимо, – перебила его молодая девушка, также наклоняясь и помогая ему собирать орехи.

– Я там в гостях, – пояснил Пауль и, находя необходимым представиться, прибавил: – Мое имя Пауль фон Верденфельс.

– А меня зовут Лили Вильмут, – проговорила девушка, делая реверанс.

Затем они опять принялись усердно собирать орехи, пока не был поднят последний из них.

– Ну вот, теперь кончено, – с видом величайшего удовлетворения сказала Лили. – Благодарю вас, господин Верденфельс.

– О, пожалуйста, – сказал он, – ведь ваши орехи рассыпались по моей вине. Я сильно напугал вас?

– Да, в первую минуту я очень испугалась, – созналась девушка. – Сперва я подумала, что это хозяин замка спускается с горы в громе и молнии, потому что я осмелилась дотронуться до его орехов, но ведь они растут здесь на воле, а я их так люблю!

– Вы составили себе такое страшное представление о моем дяде? – спросил Пауль и галантно добавил: – Я убежден, что он с удовольствием принес бы сам к вашим ногам орехи со всего Верденфельса... Да, кроме того, ведь он живет в Фельзенеке.

– Мне кажется, что он вездесущ, – вырвалось у Лили. – Скажите, пожалуйста, господин Верденфельс, там, в Фельзенеке, не происходит ничего особенного?

– Что же может там происходить? – спросил изумленный Пауль.

Лили уже начинала стыдиться своего суеверия. По внешности молодого барона нельзя было предположить, что он разделяет манию дяди, заключающуюся, как известно, в том, чтобы свернуть шею всякому встречному. Немного успокоившись, Лили осторожно связала кончики своего носового платка с орехами и объявила, что возвращается в деревню.

– И я иду туда же, – сказал Пауль, – и намерен нанести визит тамошнему священнику.

– Как, моему кузену Грегору?

– Ах, вы – его родственница? Значит, вы живете в пасторате?

– Нет, я живу в Розенберге. Сегодня мы с сестрой только в гостях в Верденфельсе.

Пауль вдруг остановился, и его лицо просияло.

– С вашей сестрой, госпожой фон Гертенштейн?

– Да. Вы знаете ее имя?

– Конечно! Я имел счастье быть ее спутником. Ваша сестра ничего не говорила вам об этом?

– Ни слова, – ответила Лили, которая решительно не могла понять, как можно было умолчать о подобном знакомстве.

На лице Пауля выразилось разочарование. Значит, даже его имя ни разу не было произнесено. Теперь он понял, отчего при первом беглом взгляде на девушку ее черты показались ему знакомыми, только имя Вильмут ничего не сказало ему. Зато Лили получила в его глазах

совсем особенное значение с той минуты, как он узнал, что она близка к идеалу его мечтаний. Он рассказал Лили о встрече с ее сестрой в Венеции и высказал удивление, что случай снова свел его здесь с госпожой Гертенштейн.

Лили, не подозревая, что он целых полчаса проехал самым быстрым галопом, чтобы использовать этот «случай», также нашла это удивительным и ровно ничего не имела против того, чтобы молодой человек шел с нею. Таким образом они вместе направились к пастору, неся с собой орехи.

Священник сидел с Анной в кабинете, когда Лили ввела туда своего нового знакомого. При других обстоятельствах она побоялась бы сурового выговора от своего строгого кузена, который несомненно считал бы неприличным ее появление в обществе незнакомого молодого человека. Но так как дело касалось знакомого ее сестры, она считала себя вполне правой и спокойно представила пастору «господина барона фон Верденфельса», который намеревался сделать ему визит и которого она встретила у замковой горы. Само собой разумеется, об орехах не было сказано ни слова.

Пауль подошел ближе. Он не заметил ни холодного удивления на лице пастора, ни замешательства на лице госпожи Гертенштейн при его появлении. Он видел – только ту, воспоминание о которой не покидало его ни на минуту, и его глаза заблестели такой неподдельной радостью, что маленькая Лили с удивлением взглянула на него и составила свое собственное мнение об их случайном дорожном знакомстве.

Вильмут встал и сделал несколько шагов навстречу гостю, но не произнес ни слова приветия, предоставляя молодому человеку рекомендоваться лично. Пауль повторил все то, что уже рассказала Лили, а именно – что он побывал в замке и не мог отказать себе в удовольствии познакомиться с пастором Верденфельса, которому он, как близкий родственник владельца, не совсем чужд. Вильмут выслушал его, не меняя выражения лица, затем поклонился и проговорил с ледяной холодностью: – «Я вас понимаю, барон!», – но на его лице ясно выражался вопрос, который губы не решались произнести: «Что значит этот неожиданный визит?»

Пауль сначала не обратил внимания на столь странный прием, так как его мысли были всецело заняты другим. Он нашел, что священник очень неприветлив и нелюбезен, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Обращаясь исключительно к Анне, он выразил свою радость по поводу того, что ему довелось снова увидеть ее. Он, разумеется, и не подозревал, что она здесь, но надеялся, что она позволит ему возобновить их мимолетное знакомство. При этом он пустил в ход всю свойственную ему любезность, не заботясь больше о скучном священнике.

Однако Грегор был не из тех людей, которые позволили бы так легко отстранить себя. Несколько минут он внимательно и молча присматривался к молодому человеку, потом внезапно и довольно бесцеремонно прервал его оживленную речь вопросом:

– Вы, должно быть, недавно приехали в Фельзенек, барон?

– Всего неделю назад, – вскользь ответил Пауль, снова обращаясь к молодой женщине.

Но Вильмут подошел к ее стулу, облокотился на спинку и совершенно завладел разговором.

– Значит, у вас еще не было случая ознакомиться с местными условиями? – продолжал он.

– Нет, я здесь еще совершенно чужой, и потому мне очень хотелось бы хоть немного сориентироваться.

– Это вполне естественно. Но знает ли господин барон, что вы почтили меня своим посещением?

– Нет, он даже не знает, что я поехал в Верденфельс, – с нетерпением ответил молодой человек, сердясь на такой экзамен.

– Я так и знал, – холодно произнес Вильмут.

Это замечание поразило Пауля. В холодной сдержанности пастора он теперь видел что-то преднамеренное и в свою очередь принял холодный вид.

– Мой визит, очевидно, удивляет вас, – сказал он. – Я думал исполнить долг вежливости, посетив вас, так как замок Верденфельс принадлежит к вашему приходу. Но вижу, что ошибся, и очень жалею, что явился непрошеным гостем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.